

Трилогия
в одном
томе

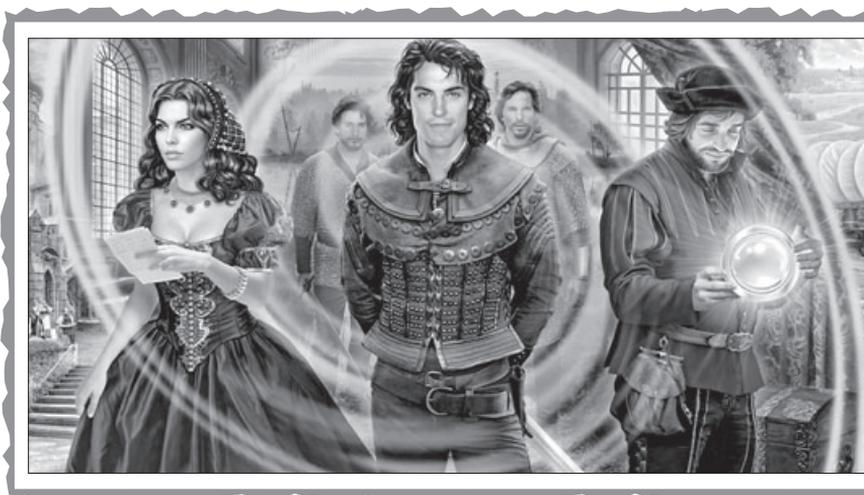
РОМАН СУРЖИКОВ

Стрела, монета, искра

Москва, 2019

РОМАН СУРЖИКОВ

Трилогия
в одном
томе

- В путь •
- Игра на грани •
- Выжить нельзя умереть •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С90

Серия основана в 2005 году
Выпуск 171

Художник
В. Успенская

Суржиков Р. Е.

С90 Стрела, монета, искра: В путь; Игра на грани; Выжить нельзя умереть. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 794 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2903-5

Полари — мир фантастического Средневековья. Суровые и жестокие нравы здесь соседствуют с диковинными ростками будущего, мечи и арбалеты — с первыми электростанциями и железными дорогами. Император Адриан ведет государство нелегким путем реформ и прогресса. Могущественные феодалы плетут изощренные интриги, поднимают мятежи в борьбе за власть. Церковь также пользуется огромным влиянием, ведь в мире Полари никто не сомневается в существовании богов. Боги не стоят в стороне: они шлют людям дары — непостижимые Священные Предметы. Писание гласит: в Предметах таится великая сила, способная исцелять болезни, управлять стихиями, разрушать преграды. Секрет этой силы утерян много веков назад...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2903-5

© Суржиков Р. Е., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

*Моя благодарность Юлии Барановской
за большой вклад в сюжет этой книги,
за стихи и песни*

● В путь ●

МОНЕТА

*21 марта 1774 года от Сошествия Праматерей
Смолден, герцогство Альмера*

Смолден — так зовется городок на самом востоке герцогства Альмера, среди рыжих глинистых холмов, у худосочной речушки Змейки. Вместо крепостной стены город окружен земляным валом с частоколом поверху — скорее для порядка, чем ради защиты. Надвратная башня срублена из бревен — добротная, широкая, приземистая, похожа на хрюка, сидящего на заднице. Ворота распахнуты настежь, двое копейщиков точат лясы в теньке, миролюбиво поглядывают на путников. В Смолдене рады приедем, особенно в базарные дни.

От привратной площади начинается мостовая. Звякая подковами и погромыхивая ободами, она ведет вглубь городка, постепенно взбирается на центральный холм. Глинобитные и деревянные домики стоят неплотно, хватает места для двориков и переулков. Сохнет на веревках белье, шествуют вдоль обочины гуси; здесь на приступке у входа сидит серьезный чумазый мальчишка, там — рыжий кот. Люди стекаются в центр, к Рыночной площади, по дороге сбиваясь в кучки, шумно переговариваясь. Ближе к собору и выше по холму дома становятся каменными, вырастают до двух этажей. Над входом одного покачивается медный кувшин, подальше — жестяной крендель, напротив — башмак. Из погребка, заманчиво раскрывшего дубовую дверь, несет кислым духом мерзкого здешнего вина.

Собор в Смолдене огромен, могуч и уродлив. Хармон давно заметил: чем меньше город, тем больше собор. Города, что не могут похвастаться древностью и богатством, не жалеют денег на храм — единственный свой предмет гордости. По мнению Хармона, довольно бездумная трата: заезжих дворян не удивишь этим, а святым Праматерям, почившим семнадцать веков назад, наверняка плевать на размер храма. Южный фасад собора стоял в лесах, и недостроенная башня сучковато торчала в небо, зато северная возвышалась над Рыночной площадью величественною громадой. В тени ее помещался целый квартал. Медный диск со Священной Спиралью над порталом был размером с ветряную мельницу, певучие трубы, опоясавшие верхушку башни, сияли под солнцем, как алмазы. Они выводили песнь воскресного утра, и казалось, что над Смолденом могуче и торжественно воеет ветер.

Рыночная площадь была полна люда. Вдоль краев площади развернулись лотки и телеги торговцев, стягивая к себе половину толпы, другая половина теснилась в центре, окружив помост и шатер лицедеев. Именно здесь, на Рыночной площади городка Смолдена, Хармон Паула Роджер пришел к решению нанять нового охранника.

Толпа гоготала, посвистывала, выкрикивала. Хармон любил толпу: среди людей ему делалось тепло и весело, а еще — хорошо думалось. Придя поздно, он терся в задних рядах и думал про Доксета — старого солдата, что вот уже пятнадцать лет служил Хармону охранником. Вчера, едва они расположились на постоялом дворе, Доксет подошел к Хармону и пропел с елеем в голосе:

— Хозяин, время-то подошло... Служу тебе, служу, хозяин... вот и заслужил что-то, а?

Хармон дал ему пару серебряных агаток, и это было ошибкой. Пара агаток — почти богатство, по меркам Доксета. Одну монету старый служака спрятал в сапог, а вот вторую, вторую-то... Это же целая агатка, и притом — вторая, считай, лишняя! Словом, сегодня поутру Доксета нашли спящим на дороге у входа в гостиницу — преодолеть три ступени подъема он так и не смог. Снайп, Вихренок, гостиничный слуга, сам Хармон поочередно пытались разбудить охранника. Хармон преуспел больше других: когда он вылил на голову Доксету ведро воды, тот перевернулся на спину, потер ладонью глаз, приоткрыл его, проблеял: «Хозяи-и-ин...» — и уснул вновь.

И вот теперь Снайп с Вихренком остались стеречь Луизу и товар, который она продавала с телеги у постоялого двора, а Хармон бродил по Рыночной площади один. Пустота за левым плечом, где полагалось бы быть охраннику, веяла неприятным холодком, кошель серебра на боку чувствовался особенно уязвимым.

«Доксет израсходовался, — думал Хармон. — Был, да заржавел. Толку от него — что от трехногой клячи. А одного Снайпа для охраны мало, нужен еще. Вихорь с Вихренком — крестьяне, чего с них взять. Бычки неповоротливые, из оружия владеют только оглоблей. Не такой мне нужен».

А нужен был Хармону человек такого сорта, с каким не стыдно войти в замок, в светлицу барона. Нужен был воин — всамделишный, не сгнивший, как Доксет, и не дезертир, как Снайп. Воин в кольчуге, с добрым полуторным мечом на ремне, а то и с луком за плечами. Статный, широкий в плечах, чтобы толпы, вот как эта, сами собой чудесным образом перед ним расступались. Сам Хармон был широк... но безоружен, наделен округлым брюшком, а ростом не выше плеча желаемого воина, так что толпа и не думала расступаться перед ним, и приходилось работать локтями вовсю, дабы пробиться в первые ряды. А зрелище того стоило, судя по возбужденным, радостным или досадливым воплям. Хармон придерживал кошель левой рукой, правым плечом вперед протискивался сквозь людскую массу и думал:

«Лучше всего подошел бы рыцарь». Тут же он сам себя и одернул: «Рыцарь? Тебе в охранники? А не размечтался ли, дружище? Может, тебе еще кайра из Первой Зимы подавай? Или благородного барона?» И тут же поспорил с собой: «Ну а что? Всякие бывают рыцари. Есть и бедные, есть и нищие. Положим, была у рыцаря деревня, да мором выкосило. Или был у рыцаря сеньор — да помер, не оставив потомства. И что же теперь? Пойдет он в стражу наниматься — куда еще!» На это Хармон Паула мог бы себе многое возразить, но зрелище, что открылось в просвете меж людских спин, на время отвлекло от размышлений.

На помосте шли потешные бои.

Скоморохи, устроители зрелища, зазывали людей из толпы:

— Найдутся ли смельчаки в Смолдене?! Кто рискнет выйти на помост и бросить вызов самой судьбе? Кто повергнет противника прямо в самую глубину пучины и заработает своим искусством кружку-другую золотых... медяков?

Скоморохов было трое: невысокий шустряк в пестром шутовском камзоле с бубенцами, улыбчивая рыжая девица в платье и белом передничке, а еще нарочито напыщенный тип в высоченной шапке из древесной коры. Шапка изображала сторожевую башню — видимо, в подражание герцогскому гербу Альмеры. Она съезжала то на глаза, то на затылок скомороху, и тот поправлял ее, бурча под нос закoveryристые проклятия. Пестрый же бегал вдоль края помоста, надрывая горло:

— Неужто сей город погряз в мирной жизни? Неужто забыли воины вкус меча и запах жеребца?!

Недостатка в желающих сразиться не было — добрая дюжина человек теснилась у входа на помост. Скоморохи зубоскалили и тянули паузу, чтобы подогреть страсти, а заодно присматривали пары бойцов позабавнее. Наконец они вывели на помост мальчика лет одиннадцати и толстяка с прорехой на рубахе, в которую проглядывало брюхо.

— Выбирайте себе оружие по руке, славные воины!

Выбор оружия оказался под стать затее: кривое копье с апельсином вместо острия, палица из связки соломы, мешок кукурузных огрызков, деревянный меч в патоке... Имелась и броня: пара подушек, связанных веревками, винный бочонок с прорезями для рук, шлем из деревянной миски, шлем из тыквы. Малец выбрал крупную редьку на веревке, привязанной к концу палки на манер кистеня, и недолго думая пошел в атаку. Толстяк едва успел схватить бочонок и отразить удар, однако остался безоружен. Малец теснил его, скакал по помосту, безумно вращая редькой и залихватски посвистывая.

— Какое коварство!.. — орал скоморох. — Бесеньша обуяла жажда крови! Он не дает вооружиться доброму рыцарю бочонка и кружки! Доспехи рыцаря уже трещат под ударами!

Толстяк наконец прорвался сквозь град ударов и схватил со стойки апельсиновое копьё. Он победоносно взревел и взмахнул оружием, надеясь попасть сорванцу по голове, но не тут-то было. Мальчишка присел на корточки, по-лягушачьи прыгнул в сторону и избежал копья, затем — вновь. Когда толстяк замахнулся в третий раз, малец был уже возле его ног и стукнул редькой по голени.

— О-о-о-о!.. — вскричал пестрый скоморох. — Как больно! Бедный рыцарь пал на одно колено!

Толстяк не упал, да и боли, видимо, никакой не чувствовал. Но замешкался, не зная, как быть, и тут мелкий изловчился подпрыгнуть и попасть ему прямо по затылку.

— Победа-а-а! Победа мелкого бесеныша! От страшного удара в голову рыцарь бочонка потерял глаз! Он полетел вон туда, за корсет доброй госпожи! Госпожа, будьте милосердны, верните глаз славному воину!

Зрители хохотали, улюлюкали и бросали на помост медяки. Рыжая девица весьма ловко собрала их в передник, мужчина с башней на голове вручил половину улова мальцу, а рыжая к тому же наградила победителя поцелуем в щеку.

— Ну, кто следующим рискнет испытать удачу?! Помните: победители трех боев сойдутся меж собою в судьбоносном решающем поединке!

Хармон Паула увлекся зрелищем. Новые и новые бойцы вопили и кидались друг на друга, скоморохи паясничали, зрители шутили и смеялись, поддерживали бойцов кровожадными выкриками. На помосте оказывались разные люди, в том числе и крепкие, сноровистые, явно не чуждые настоящему оружию. Однако зрители охотней приветствовали и щедрей награждали тех, кто выглядел странно и смешно, а держался пусть неумело, зато дерзко. Любимцами толпы стали малец-бесеныш; огромный кузнец, весь заросший черными волосами, будто шерстью, и ревавший как зверь; косоглазый паренек, что дрался в шлеме-тыкве, а после победы сорвал его с головы и жадно отгрыз кусок. Однажды на помост взобралась даже женщина — крупная грудастая матрона.

— Разве поле брани — место для женщины? — воскликнул пестрый скоморох.

Размашистым движением матрона откинула за спину косу и взглянула на него, сурово сведя брови.

— Знаешь ли ты, несчастный, кто я? Пред тобою — правительница Северных Лесов, Медвежья Леди! Я разорву любого, кто выйдет против меня!

На помост протиснулся кузнец:

— Ну, тогда я — твой медведь! Харр-р-р!

Женщина вооружилась соломенной палицей, а кузнец — мешком, и они сошлись под азартные вопли толпы. Медвежья Леди держалась

достойно и несколько раз смачно угостила кузнеца дубиной по бокам и по заднице, а он подыгрывал ей, завывая и даже жалобно всхрюкивая. Но затем он не рассчитал удара мешком, и женщина полетела кубарем, чуть было не скатившись с помоста. Кузнец помог ей подняться и разделил с нею выигрыш.

Хармон смеялся вместе со всеми, пару раз швырял на помост меядки, однако наметанным глазом присматривался к бойцам. Конюхи, кузнецы, пьяницы и дети мало интересовали его. Он высматривал тех, кто походил на настоящих воинов. Пусть оружие было шутовским, но стойка бойца, манера двигаться быстро выдавали навык. К тому же эти люди не страдали избытком гордости, раз уж они вышли на потешные бои. Неплохое качество — отсутствие гордости. Ценное качество воина, по мнению Хармона Паулы Роджера.

Вскоре он присмотрел того, кого искал. Парень был молод, но статен. Он выходил на бой с обнаженным торсом, и мышцы бугрились по груди и спине. У него были длинные каштановые волосы, темные усики и борода. Черты лица правильные, даже красивые. Принарядить его — глядишь, сойдет и за благородного. Парень трижды взбирался на помост и всякий раз выбирал деревянный меч, липкий от патоки. Почувяв его сноровку, скоморохи ставили против него людей покрепче, но парень побеждал почти без труда. Он хорошо владел мечом — по крайней мере, хорошо по меркам Рыночной площади Смолдена. Его противники уходили, почесывая ушибы, все в темных пятнах патоки, а победитель вскидывал «клинок» в салоте. Денег ему бросали немного: зрителям не нравилось, что парень слишком серьезен. Зато рыжая девица целовала его с явным удовольствием.

В решающем поединке Кровавый Красавчик (так окрестили его скоморохи) сошелся со Зверем-кузнецом. Кузнец взял копьё с апельсином в правую руку и булаву из свиного окорока — в левую, Красавчик вновь вооружился липким мечом. Затем скоморохи завязали обоим глаза. Башнеголовый заявил:

— Истинный герой одолеет противника и вслепую, ибо руку его направляет...

— Нюх?.. — предположил пестрый.

— Болван! Его руку направляют боги!

Бой начался. Кузнец ринулся в атаку, размахивая копьём. Он надеялся нащупать противника длинным оружием, а затем огреть окороком. Красавчик держал меч наготове и пару раз умудрился парировать удар копьё, но не развивал успех, а только кружил по помосту. Он явно робел и не знал, как вслепую подступить к противнику. Открыленный успехом, кузнец ревел все громче, орудовал копьём все яростней и в конце концов сбил шапку с башнеголового. Кора разлетелась на кусочки, скоморох взревел:

— Будь проклят черенок лопаты, вырывшей гнилую яму для твоего паскудного зерна, никчемное древо!

Кузнец повернулся на голос, а Красавчик атаковал. Меч свистнул у самой груди кузнеца, и тот, ощутив движение воздуха, взмахнул одновременно копьем и орококом. Но Красавчик отбил копьё, уклонился от орокока и треснул деревяшкой по руке кузнеца.

— Северный Зверь лишился лапы! Его грозная булава упала наземь! Истекая кровью, он все же...

Кузнец и вправду выронил орокок, но правой рукой перебрросил копьё назад, перехватил поближе к острию и, когда Красавчик замахнулся для нового удара, сделал мощный выпад. Апельсин пришелся прямо в голую грудь парня и брызнул соком во все стороны. Красавчик отлетел и шлепнулся на задницу. Толпа взорвалась хохотом. Скопорохи сняли с бойцов повязки и присудили победу кузнецу. Моне-ты щедрыми брызгами посыпались на помост.

Когда парень сходил по ступеням, Хармон перехватил его взгляд. Злость, досада, обида. Обиды — больше всего. Как раз то, что надо.

Хармон пробился к нему и взял за плечо.

— Как тебя звать?

— Тебе-то что?.. — буркнул Красавчик.

— Есть работенка для парня с мечом. У тебя ведь имеется меч?

— Имеется.

— Гостиница «Желтая гусыня», время вечерней песни. Захочешь — приходи.

С тем Хармон Паула и оставил его.

Вторую половину дня Хармон провел у лотков местных торговцев. Разглядывал товар, находил изъяны, нещадно сбивал цену, заговаривал зубы купцу, уходил к соседям, возвращался. «Так до чего мы договорились, добрый хозяин? Восемь монет за кувшин? Десять?.. Отчего же мне так хорошо запомнилось — восемь?» Он приобретал стекло и бронзу, посуду и мелкую утварь — то, чего в Альмере испокон веку водилось в избытке. Он выбирал предметы поизящней и покрасивей, редкие, необычные, чем-то притягивающие взгляд. Примечал их сразу, с первого взгляда на лоток, но для виду начинал осмотр совсем с других товаров, даже торговался за них. Затем невзначай переключался на то, что изначально его интересовало: «А это что за штука? Зеркальце? Взять, что ль, и его — жену порадовать... да мелковато, в этакое ее мордашка-то и не уместится...» Хармон прекрасно знал, что зеркала большего размера всегда выходят плохого качества — изламывают, раздувают или сжимают отражения. В этом же, крохотном, все виделось ясным и четким, как дно горного ручья. «Не-э-эт, хозяин, ты не говори мне — хороший товар, ты скажи — дешевый. Жена меня что спросит, как домой вернусь? Сколько монет привез — вот что она спросит!»

По правде, сейчас товар не очень-то интересовал Хармона. Он делал свое дело как следует, но предвкушал изюминку нынешнего

дня — покупку человека. Хороший торговец покупает людей и продает себя — сегодня эта фраза имела прямой смысл.

Хармон Паула Роджер вернулся в гостиницу незадолго до вечерней песни. Оставил улов, взял у Луизы дневную выручку и расположился в гостиничной харчевне. К его удовольствию, за одним из столов обретались двое в куртках городской стражи, недавно сменившиеся с дежурства, если судить по валяжным позам и туповатым сытым ухмылкам. Хармон подсел к ним, угостил обоих элем и повел неторопливую беседу.

Стражники любили благодарных слушателей. А кто же не любит?

— В Альмере? Как дела-то?.. Да как всегда: люди трудятся в поте лица, знать богатеет, — рассказывал первый стражник, розовощекий и мордатый. — Все своим порядком идет — у нас в Альмере всегда так, по порядку.

— Ну уж не всегда, — вставил второй. — В соборе вот маляр полстены расписал, а потом деньги взял, работу бросил да и сбежал. Ищи теперь пташку в небе.

— Да что ты! — поразился Хармон.

— Это еще что, — перехватил нить первый стражник, — на южной-то башне строитель с лесов упал! С самого верху. Прямо внутрь собора!

— Наружу, — поправил второй.

— Внутрь. Если бы наружу упал, полгорода бы сбежалось и все бы знали.

— А если внутрь, то вышел бы дурной знак и собор бы закрыли.

Мало-помалу переключились на дела имперские. Восток Альмеры прилегал к Землям Короны — они начинались через пару миль за рекой. На этом основании стражники считали себя знатоками имперской жизни.

— А слышали вы, что наш владыка Адриан нынешним летом намерен жениться?

— Слышал, — ляпнул Хармон, и стражник тут же помрачнел. Зато второй вклинился:

— Но это еще, знаешь ли, не наверно. Летом, как будут игры, Адриан станет выбирать себе невесту. Но ведь еще не точно, что выберет. А ну как не выберет?

— Как это не выберет? Ты думай, что говоришь! Он же владыка! Решил выбрать — значит, выберет.

— И кого же он выберет, может, ты и это знаешь, умник?

— Кого-кого... Мало ли кого выбрать можно. Девиц там в столице — их же видимо-невидимо, притом все благородные. Вот хоть бы Бекку Наездницу...

— Лошадницу из Литленда? — Стражник едко заржал, весьма по-лошадиному. — Скажи еще — медвежью жену с севера!

К слову о медведице, Хармон рассказал про потешные бои. Стражники заготовали. Как раз тогда в харчевню вошел Красавчик. Сейчас он еще больше соответствовал прозвищу: поблескивали металлические бляшки, которыми был усилен нагрудник из вываренной кожи, меч и кинжал вложены в расшитые узором ножны, на голове был стальной полушлем, на лице — надменная ухмылочка. С плеч спадал зеленый плащ и несколько портил собой картину, поскольку зеленым он был, пожалуй, с год назад, а с тех пор выгорел, вылинял и сделался серо-салатовым с желтизной.

Хармон махнул ему — мол, сядь вон там и подожди. Городские стражники обратили внимание на Красавчика:

— Это еще что за птица? Хармон, знаешь его?

— Он пришел наниматься ко мне в охрану, — невинно сообщил Хармон и тут же получил с дюжину советов.

— Не бери его, — посоветовал краснолицый стражник. — Видишь — щеголь какой и морду воротит, будто благородный. Станет тебе привередничать: еду получше, вино послаще, постель потеплее да оплату побольше, и все равно недоволен. Знаем таких — над нами было такого командиром поставили, баронского бастардика.

— Бери, — посоветовал другой. — Шлем и бляшки на броне, видишь, хорошо начищены — значит, не ленив. Высокий, здоровый, а сила многое решает. Мечом владеет, меч — хорошая штука. Меч — он против всего работает: и против топора, и против копыя, и шпагу им можно побить при сноровке, и булаву.

— Дело твое, Хармон, — проскрипел первый. — Но если решишь брать, то обязательно веди сперва двадцать ведер воды принести, потом — яму вырыть, потом — телегу распрячь. Вот коли сделает все это, не пикнув, — значит, можно брать. А станет нос воротить — значит, щенок благородный, с таким хлопот не оберешься.

— И меч его проверь, — посоветовал второй. — Спроси, где кован — в замке или в деревне, спроси, закалка двойная или тройная. А то меч плохой будет — сломается в первой драке, а новый по монетке-то ударит.

Дальше стражники перечислили недостатки экипировки Красавчика, потом перекинулись на его коня, которого не видали, но легко вообразили и принялись обсуждать плоды воображения. Парень в линялом плаще сидел за своим столом в другом конце зала, цедил какое-то поило и хмуро поглядывал на них, все больше теряя терпение. Наконец стражники сошлись на мнении, что хороший конь для воина — это кобыла, не крупная и не мелкая, а холкой этак под шею всаднику, поджарая, с развитой грудью и непременно гнедая. Хармон распрощался с ними и пересел за стол Красавчика.

Первым делом он окинул взглядом наручи парня. На плаще Хармон не заметил никакого герба, на наручах его тоже не было. Затем

посмотрел в лицо Красавчику, прочел на нем нетерпение и раздражительность, однако и не подумал просить прощения.

— Меня зовут Хармон Паула Роджер, — сказал торговец и умолк.

— Я — Джоакин Ив Ханна, — ответил воин.

«Ханна? Имя бабки, а не имя отца? Даже так! Чадо благородных?..» — Но выяснять это сразу Хармон не стал, а с полной серьезностью произнес:

— Ты хорошо дрался сегодня.

— Да ну... — отмахнулся Джоакин.

— Потешный бой, шутовское оружие... Понятно, что все это — насмешка над воинским делом. Но ведь умение-то и с деревянным мечом заметно.

Хармон с наслаждением поглядел, как на лице Джоакина отразилась несуразная смесь смущения, самодовольства и стыда.

— Ну да... — выдавил Джоакин и порозовел.

— Я заметил тебя утром и подумал: а этот парень знает толк в сражениях. В нынешнее-то время, да еще в Альмере, нечасто такого встретишь.

«Сражением» утреннюю возню на помосте назвать было сложно, скорей уж мордобой или потасовка. Но Хармон не сомневался, что именно слово «сражение» придется парню по сердцу. И верно, тот зарделся пуще прежнего.

— И, как я понял, ты путешествуешь. Скитаешься по миру, ищешь приключений — верно?

— Это как ты понял? — переспросил Джоакин.

Вообще-то Хармон заметил это по выдавшему виды плащу воина — не одну сотню миль надо проехать, чтобы привести плащ к подобной плачевной старости. Однако вслух сказал:

— Альмера — земля мещан, ремесленников, а у тебя лицо воина. Ты прибыл из краев посуравей, чем здешний. Может, с Запада?

Хармон не сомневался, что Джоакин родом из Южного Пути, — это слышалось по выговору. Любопытно было, совет ли он на сей счет.

— Я с Печального Холма, что в Южном Пути, — честно ответил Джоакин.

— И ты — сын дворянина?

— Сын рыцаря, — уточнил Джоакин.

— Но сам — не рыцарь?

Джоакин помотал головой.

— И отчего же так вышло? Сын рыцаря, хорошо владеющий мечом, не служит своему сюзерену, не становится защитником родной земли, а пускается в странствия?

Парень хмуро вздохнул.

— Наша деревня — однощитная. Мой отец — рыцарь. Он передал свой щит первому сыну — моему старшему брату. Второй сын — средний брат — служит старшему оруженосцем. Я — младший брат.

Хармон невольно усмехнулся и тут же исправился, добавил в усмешку печали и сочувствия. Чего-то подобного он и ожидал. Извечная беда мелкой знати: крохотные феодалы, отпущенные ей, способны содержать одного тяжелого всадника, в лучшем случае — двоих. Лишним сыновьям остается скудный выбор: торговать мечом или ходить за плугом.

— Кому ты уже служил?

— Барону Бройфилду на севере Альмеры.

— Почему ушел от него?

— Мы... разошлись в вопросах чести.

«Барон тебя выгнал, — решил Хармон. — Еще и не заплатил. Интересно знать почему?..»

— А кроме Бройфилда?

— Прежде я был в войске графа Рантигара, мы бились за Мельничные земли.

Хармон присвистнул. Вот этого он не ожидал!

— То есть ты побывал на большой войне?

Джоакин кивнул со сдержанной важностью. Да уж. Насколько знал Хармон по рассказам, прошлогодняя Война за Мельницы была суровой резней. Графу Рантигару достало ловкости и полководческого таланта, чтобы склепать из разномастных западных рыцарей, ополченцев и наемников довольно крепкое войско в двенадцать тысяч мечей. С ним он перешел Гулкий брод и вторгся на спорные Мельничьи земли. Бароны-Мельники не сразу сумели объединиться, и Рантигар захватил один за другим четыре замка, а затем выиграл трудную битву в полях, развеяв баронские отряды. Однако Мельники оборонялись отчаянно и упорно, огрызались из-за крепостных стен, налетали с полей легкой конницей. Войско Рантигара наступало, но таяло. В конце концов дело решило вмешательство...

— Насколько я помню, — сказал Хармон, — вы потерпели поражение.

— Против нас выставили кайров. Первая Зима прислала Мельникам свой батальон, — холодно пояснил Джоакин. — Мы тоже просили помощи Первой Зимы, как и Мельники. Но герцог помог им, а не нам.

И правильно сделал, по мнению Хармона. Если отбросить вычурные дворянские словечки, то, чем занимался Рантигар, называлось бы резней и грабежом. Однако участие в этой боине делало честь Джоакину как воину, в особенности — тот факт, что он вышел из нее целым.

— Ну что же, приятель, расскажу-ка я теперь о себе.

И рассказал.

Хармон Паула Роджер — торговец. Без малого двадцать лет он колесит по востоку империи, покупает то, что есть в избытке, везет и продает там, где этого не хватает. Шелк, бархат, сушеные фрукты — в Альмеру, стеклянную и бронзовую утварь — в Южный Путь, серебро и копченые колбасы — в Земли Короны. Ему принадлежат девять лошадей, два фургона и открытая телега. Служат Хармону шесть человек. Нередко он торгует на городских площадях, откинув задний борт фургона. Если предложат хорошую цену, сбывает весь товар скопом кому-то из местных торговцев. Но главный доход приносят Хармону благородные. При этих словах Джоакин оживился, и Хармон подмигнул ему. Да-да, благородные. Только не те дворяне, что разъезжают по городам блистающими процессиями с гербами на пополах; не те, что пляшут на столичных балах и похваляются на играх и турнирах; не те, что собирают войска и рубятся друг с другом за ценные земли. Нет, иные. Есть в империи немало дворян, сторонящихся шумной светской жизни. Кто стар, кто устал, кто нелюдим, а кто слишком умен для всей этой кутерьмы. Они живут в своих замках и поместьях, редко выезжая даже в ближайший город. Вот к ним-то и наведывается в гости Хармон Паула Роджер и предлагает товар — купленный за много миль, отлично подобранный под вкус хозяина и хозяйки.

— И много у тебя... мм... покупателей?

— Пара дюжин зажиточных рыцарей, несколько баронов в Альмере, несколько — в Южном Пути.

— Тебя принимают в их замках?

— И за их столом. — У Джоакина загорелись глаза, и Хармон не сдержался: — И в постелях их жен.

Парня перекосило. От возмущения или от зависти — этого Хармон не разобрал. Торговец сжалился над ним:

— Учись понимать шутки — пригодится в жизни.

Джоакин сдержанно улыбнулся и только теперь спросил:

— Сколько ты платишь?

Важная штука — вопрос о цене. Задать его в нужный момент — небольшое мастерство. Кто мнит себя ловким дельцом, поспешит с вопросом и этим лишь выдаст свое нетерпение и заинтересованность. А неопытный простофиля, напротив, затянет дело и заговорит о цене лишь тогда, когда крючок с наживкой уже глубоко войдет в его глотку. Джоакин затянул с вопросом.

Хармон назвал сумму. Она была много выше той, что получает старина Доксет, и чуть побольше той, которую имеет Снайп. Однако вдвое меньше денег, что платят наемному мечу в походе, и, может статься, даже меньше жалованья смолденского городского стражника. Очень даже может статься.

Джоакин скривился, как от кислого вина.

— Ну, приятель, мы же не на войне, — примирительным тоном сказал Хармон. — Ты будешь спать в фургоне или в гостиницах, есть

будешь досыта, а Луиза, к слову сказать, недурно стряпает. Жизнь твоя не окажется в опасности, в шкуре не появится новых дырок, кроме тех, которые предусмотрели боги. А наибольшие подвиги, что от тебя ожидаются, — поколотить нахального бродягу или отсечь пару пальцев карманнику.

— Но ты — торговец...

«Ах вот оно что! Для тебя, стало быть, слишком мало чести — слушать мне. На это намекаешь?»

— А ты — наемник, — ровно произнес Хармон, исподлобья глядя в глаза Джоакину. — Притом нищий наемник.

Джоакин вскинулся.

— Я не наемник!..

— Ну а кто? — так же ровно отрезал Хармон. — Ты не рыцарь, не оруженосец, не ополченец, у тебя нет сеньора, и ты продаешь свой меч за деньги. Продаешь даже скоморохам. Как же тебя назвать, приятель?

Джоакин смешался и отвел взгляд. Хармон встал.

— Значит, вот как сделаем. Я пойду спать. Завтра с утра мы трогамся в путь. Хочешь служить мне — приходи. Не хочешь — уедем без тебя. Да, и вот что. До утра научись говорить мне «вы». А слово «хозяин» мне нравится еще больше.

Хармон Паула Роджер не сомневался, что молодой воин придет утром к постоялому двору. И он пришел, а верней, приехал. Под ним была поджарая гнедая кобыла.

СТРЕЛА

*22 марта 1774 года от Сошествия
Первая Зима, герцогство Ориджин*

Карета скрипнула рессорами, сойдя с верхней точки перевала, — словно вздохнула с облегчением. Эрвин очнулся от дремоты и глянул в окно. Дорога плавно уходила вниз, змеясь по склону, и справа возносились к облакам хмурые утесы, а слева... Долина на миг ослепила Эрвина. Она была изумрудным пятном, манящей теплотой среди скал, весенним цветком, пробившимся сквозь снег. Домики крестьян под соломенными крышами — аккуратные, крохотные при взгляде с птичьего полета — казались золотистыми кусочками свежего хлеба. Между ними то там, то тут рассыпана сахарная пудра. Невозможно рассмотреть крупницы с расстояния в добрый десяток миль, но Эрвин знал, что это — отары овец. А у восточного края долины лежал подлинный алмаз — голубое озеро. Город прирастал к нему, втискивался в уютный просвет между водой и скалами, а герцогский замок врезался в озеро, черным клыком засел в его синеве. Если по правде, то нуж-

но признать: родная долина весьма красива. Блистательна той особой красотой, какой бывают наделены лишь женщины и песни, крайне редко — строения и места.

— Ничто прекрасное не должно пахнуть нищетой, — сказал Эрвин и подмигнул городу, лежащему внизу. — Можешь не поверить, но терпеть осталось недолго. Я принес тебе спасение.

Карета начала спуск, набирая ход.

Чертовски странно — возвращаться домой с чувством предвкушения. Эрвин хорошо знал, чем встретит его родная земля. Древний город, полный солдат и нищих; фамильный замок, напряженный и хмурый, как воин на часах; отцовские вассалы с каменными масками вместо лиц; сам отец, обладающий дивной способностью вложить угрозу в любое слово или движение, даже в молчание. И сестра — редкий проблеск света. Через неделю Иона выйдет замуж. Ее супругом станет граф Виттор Шейланд — правитель судоходной реки Торрей и узкой полоски прибрежной земли. Отец Виттора был банкиром, дед — купцом. Ни славой, ни могуществом, ни древностью рода он — не чета Ионе. До такой степени не ровня, что свадебные торжества будут выглядеть дурной комедией. И несмотря на все это, Эрвин чувствовал предвкушение.

Я сделаю кое-что. Я принесу перемену. Таков будет мой свадебный подарок, дорогая Иона! Десять поколений великих предков — славных военачальников и доблестных рыцарей — не смогли побороть единственного противника: бедность. А я смогу! Забавно, правда? Я — не рыцарь, не полководец, я — белая ворона. Однако тем, кто вернет славу Первой Зиме, буду именно я. Ты оценишь иронию, любимая сестричка.

Окончив спуск, карета прошла несколько миль петляющей пыльной дорогой и вкатилась в город. Он почти не изменился: те же аккуратные узкие дома в три окна, сжатые в плотную линию; остроконечные башни храмов и хмурые приземистые казармы; торговые ряды, крытые красной черепицей; арочный акведук, протянувшийся с гор, и очереди у водяных труб; гранитные всадники на площади Славы и чумной монумент на площади Милосердия... Эрвин придирчиво разглядывал улицы Первой Зимы, высматривая признаки бедности, — и, к своему удовольствию, находил их в достатке. Поврежденные мостовые, истерзанные щелями; обвалившаяся штукатурка на фасадах; толпы попрошаек на папертях, унылая тишина у торговых рядов. Прекрасно!

А вот и собор Светлой Агаты — величавая громада, увенчанная сотней шпилей и охраняемая полчищами химер. Их — этих каменных чудовищ всевозможных размеров и мастей — здесь имеется триста тридцать шесть (если считать и двух презабавнейших крылатых поросят, притаившихся под водостоками южной башни). Но странно: западный придел собора стоял в лесах, а вдоль его фундамента проле-

гала глубокая траншея, в которой возились люди с лопатами. Что происходит? Треснул фундамент, проседает стена? Храм требует срочного ремонта? То, что нужно! Милость богов — не иначе! Отец ревностно относится к собору Агаты. Он может смотреть сквозь пальцы на обнищание горожан, но для ремонта храма станет искать средства любой ценой. А значит, он будет сговорчивее!

— Благодарю тебя, святая Праматерь! — Эрвин с улыбкой поклонился скульптуре Светлой Агаты над фасадом собора. — Трещина в фундаменте — отличная задумка! Я всегда знал, что могу на тебя положиться.

Приметив кареты с гербами дома Ориджин, строители принялись выкрикивать приветствия. Горожане на площади вторили им:

— Милорд Эрвин!

— С возвращением, милорд!

— Слава Ориджинам! Слава Ориджинам!

Мать бросила бы им пригоршню серебра. Иона помахала бы тонкой рукой и улыбнулась с таким трогательным румянцем, что впору всплакнуть от умиления. Отец... отцу было бы плевать, кричат ли ему что-то. Эрвин София Джессика рода Агаты, наследный герцог Ориджин, так и не научился отвечать на приветствия черни — в них ему неизменно слышалась насмешка. Он задернул штору на окне кареты.

Экипаж пересек мост и остановился за первой, низкой стеной замка, во внешнем дворе. Эрвин раскрыл дверь и нетвердыми с долгой дороги ногами ступил на родную землю. На родной булыжник, если быть точным, — тщательно вымытый, но все же отдающий конским навозом, забившимся в щели.

Как назло, двор был полон людей, и появление лорда не осталось незамеченным. Его мигом окружили, осыпали приветствиями. Слуги схватили кладь, поволокли; кто-то желал Эрвину здравия, кто-то кланялся, кто-то салютовал; служанки поодаль откровенно тарасились, перешептываясь; верховые кайры в красно-черном, эскортировавшие его, замерли над толпой. Конные статуи отцовского могущества. И — мой инструмент. Мой прекрасный, решающий довод! Эрвин махнул рукой всаднику:

— Кайр, я желаю увидеть отца, и поскорее. Доложите обо мне!

— Слушаюсь, милорд.

Воин исчез. Кто-то сунул в руку Эрвину кубок орджа — горького пойла, разящего шишками. Он влил в себя весь кубок одним залпом, надеясь быстрее отделаться, скривился, с трудом выдохнул.

— Слава молодому герцогу!

— Долгих лет семье Ориджин! Долгих лет Первой Зиме!

Эрвин стоял среди толпы, как болван, хрипя обожженной глоткой. И что же, мне торчать здесь, с челядью, пока отец не соизволит принять? Почему никто из семьи меня не встречает?!

Едва он успел подумать об этом, как увидел Иону. Сестра... Хрупкая фигурка из белого фарфора, очень подвижные, тревожные губы, темные-темные глаза, чуть рассеянные, словно подернутые дымкой... И пестрые перья попугаев, вплетенные в смоляные волосы, и кружево снежной шали — ореол радужных искр вокруг лица.

— Я счастлив видеть вас, леди Иона София. — Эрвин поцеловал ей руку с лукавой улыбкой.

Глаза сестры шаловливо сверкнули.

— И я несказанно рада вам, лорд Эрвин София, — церемонно поклонилась она ему. — Встаньте же и будьте моим добрым гостем. Разделите со мной радость, вино и хлеб.

И потянула его за руку вглубь двора, к входу в теплицу. Едва дверь закрылась за ними, Иона обняла его. Эрвин ощутил, что она дрожит.

— Тебе холодно?

— Мне всегда холодно... Почти, — шепнула она и провела ладонями по его щекам. Пальцы были горячими.

— Как я справляюсь? — спросила Иона, разомкнув объятия. — Я о приветствии. Неплохо выходит, правда? Мне предстоит встретить пять сотен гостей... или тысячу... а может, весь Север. Иногда кажется, что я буду первую неделю заниматься лишь приветствиями, а вторую — лишь прощаниями.

— Ты прекрасна, — сказал Эрвин, покачав головой, — но приветствие... мм...

Отступил на шаг, задрал подбородок, глядя чуть в сторону, протянул руку.

— Милорд... я рада... будьте моим гостем. Говори через силу, будто нехотя. Понимаешь? Поменьше душевности, совсем мало. А то еще решат, что ты и вправду им рада.

Тревожные губы сестры искривились наподобие улыбки, верхняя чуть поджалась, едва-едва обнажив зубы.

— Милорд, будьте моим гостем и разделите мой хлеб. Свою душевность оставлю при себе, если вам угодно.

— Да, много лучше, — согласился Эрвин. — Ты — принцесса Севера. Все эти гости недостойны тебя — ни по отдельности, ни вместе взятые.

— И жених?

— Он — в первую очередь. Жених — предводитель тех, кто тебя недостойн. В его руках знамя.

Иона улыбнулась:

— Не могу понять, ты маскируешь ревность заботой или высокомерием? В любом случае у тебя скверно выходит, ты это знаешь?

— Мм...

Когда не находишься с ответом, задай встречный вопрос.

— Как твоё здоровье?

Иона сорвала цветок азалии, понюхала, помахала перед носом у брата.

— Это — неважный вопрос.

— Тогда такой: чего нового в Первой Зиме?

— И это не имеет значения.

— Кто будет среди гостей?

— Нет, нет, ужас! Спроси о том, что действительно хочешь узнать!

— И что же я хочу узнать?

— Ты хочешь спросить, счастлива ли я невестой. И боишься в одночасье и того, что я несчастна, и того, что слишком счастлива. Твое сердце замирает от волнения при мысли, что муж мой окажется бесчувственным камнем и в Шейланде я выплачу все глаза от тоски по тебе и матери, а дальше провалюсь в нескончаемую череду беременностей и истекую кровью, выдавив на свет очередное графское чадо. Но потом ты воображаешь, что я без памяти влюблена в графа Виттора и забуду вас, едва ступив на корабль. Ты представляешь, как после двух или трех лет моего молчания ты приедешь в Шейланд под скверным политическим предлогом, и я выйду к тебе в фамильных цветах мужа, без малейшего намека на перья в волосах, и протяну руку, глядя вот так, чуть в сторону: милорд... войдите, будьте нашим гостем. Да, именно — нашим. И тогда ты...

Эрвин схватил ее за плечи и как следует встряхнул.

— Да будь ты проклята, сестрица! Ответь уже наконец!

Оба рассмеялись, утихли, и на губах Ионы осталась мягкая улыбка.

— Отвечу. Я счастлива. Счастлива, что уеду отсюда. Никогда не была в Шейланде и не знаю, что там, как там. Знаю одно: там будет иначе. Возможно, не будет холодно. Наверное, не будет скал и лугов, а будет лес и большая река с кораблями. Может статься, будут дожди и грязь, может, мои платья будут всегда серыми и мокрыми, как дворовый пес. Но, может, там мне и не захочется вплетать перья. Возможно, вокруг будут люди с живыми лицами, возможно, они станут смеяться или плакать, или кричать от гнева и топтать ногами от обиды... но не выхватывать мечи и рубить обидчика на куски, при этом ни на миг не меняясь в лице. Там все будет иначе, Эрвин, и я счастлива.

— Но?..

— А есть «но»?

— Есть. Ты говоришь все это ради «но», которое пойдет следом.

— Но. — Иона поймала его взгляд, взяла за руку. — Я не уверена, что люблю графа. Я счастлива, но едва ли люблю его. Он — забавное создание, к которому я смогу привыкнуть.

Эрвин взял у нее цветок и приложил к губам сестры.

— Все изменится, очень скоро. И самое удивительное — все изменится к лучшему!

Иона округлила глаза:

— Ведь ты говоришь не о свадьбе?

— О нет! Я о тех переменах, что привез с собой. Дайте мне поговорить с отцом — и я переверну мир.

— Что ты хочешь сделать?

— Хочу найти нашего с тобою родителя и убедить его сказать одностороннее слово: да!

— Так мало?..

— Все остальное уже сделано, сестрица! Нужен только последний шаг.

Он вышел из теплицы, увлекая Иону за собой.

Замок был полон гомона и движения. Завтра придут первые гости, а сегодня столица Ориджинов наряжалась, чистила перья, готовила угощения и забавы. Крестьянские телеги одна за другой вкатывались на подворье, и слуги окружали их, бойко расхватывали груз, волокли в погреба сыры, колбасы, солонину, мешки муки; катили бочки вина и орджа; уносили в залы огромные связки разнотравья. Служанки, звонко перекрикиваясь, развешивали по балконам башен, галереям крепостных стен ленты и цветы. Мальчишки вели в конюшню нескольких жеребцов, а те артачились и всхрапывали, возбужденные людской кутерьмой. Городские купцы толпились у ворот кладовой, спорили о чем-то с кладовщиками; носильщики сгружали с телег короба с товаром, складывали угловатой кучей на краю подворья. В небо взметнулась пробная шутиха и гулко бахнула, каменные стены отбросили эхо.

Завидев Эрвина, большинство кланялись или салютовали, с улыбкой приветствовали:

— Слава Первой Зиме! Здоровья молодым лорду и леди!

— Они действительно так рады мне, — спросил Эрвин скептически, — или сказывается веянье грядущего праздника?

— Даже не сомневайся, рады. Не отнекивайся, — улыбнулась Иона.

Пожалуй, в этом была доля правды. Замковая челядь и низкородные горожане любили герцогских детей сильнее, чем самого герцога с его вассалами. Они видели в молодых Ориджинах больше человечности. Хотя, по меркам Первой Зимы, это могло бы сойти за оскорбление.

У дверей малой трапезной, как и у входов в башни, стояла пара часовых. Черные плащи, черные шлемы и алые камзолы поверх кольчуг, на груди каждого — фамильная летучая мышь Ориджинов со стрелой в когтях. Часовые молчали; с приближением Эрвина они положили ладони на рукояти мечей — в знак бдительности. Когда-то Эрвин спросил отца, зачем в замке столько стражи, если уже полвека герцоги не знали вассальных мятежей. «Это нужно не для нас, а для

самых воинов, — ответил отец. — Необходимо умение, чтобы нести вахту».

— Я ищу лорда Десмонда, — обратился Эрвин к воинам. — Не здесь ли он, случайно?

— Не знаем о его светлости, милорд. Здесь, в трапезной, ваша ма-тушка, милорд.

Вот незадача! Эрвин жаждал увидеть отца. Полгода расчетов, хитроумных переговоров, иносказательных бесед, обещаний, угроз — всего того, из чего плетется ткань политики. Затем — месяц дороги в размышлениях и ожидании нынешней встречи. Один-единственный разговор с отцом, одно-единственное «да» должно увенчать все старания! И Эрвину не терпелось его услышать.

Однако, если сейчас уйти, мать будет оскорблена, что сын не захотел повидаться с нею. Что ж... Эрвин раскрыл дверь малой трапезной.

Герцогиня София Джессика Августа являла собою суть и смысл светской жизни Первой Зимы. Не будь ее — замок жил бы лишь турнирами и воинскими посвящениями. Она же приносила в Первую Зиму душу.

Леди София поощряла музыку и живопись, устраивала певческие состязания, открывала театры. По-детски радовалась каждому найденному ею таланту, столь же бурно разочаровывалась. Неизменно приходила к выводу, что люди пусты, поверхностны, грубы и недостойны ее стараний, однако не оставляла своей деятельности. Заботясь о душах горожан, она изматывала епископа и святых отцов требованиями прочесть проповедь на ту или иную тему, вступала в теологические споры, обвиняла в безразличии и глупости. Затем, добившись желаемого, жертвовала церкви огромные суммы и следила, чтобы деньги были истрачены исключительно на фрески и скульптуры.

Не меньше пятисот золотых эфесов в год герцогиня раздавала полудожине госпиталей, ею же учрежденных. При этом она почитала медицину грязным, омерзительным ремеслом, брезговала появляться в палатах и никогда не интересовалась, на что расходуются ее пятьсот эфесов. Эрвин подозревал, что добрая половина этой суммы оседает в карманах госпитальных управителей.

— Мой милый Эрвин!.. — Всплеснув ладонями, герцогиня вышла навстречу сыну и стремительно поцеловала в обе щеки. — Как ты добрался? Дорога развлекла тебя или утомила?

Не дав ему времени ответить, мать сама же продолжила:

— Южный Путь так мучительно безвкусен, так пуст... Люди мельтешат на станциях, кричат, торгуют, желают чего-то. Я истощаюсь, находясь среди них. Хочется ночевать в поле, а в городах вовсе не открывать дверей экипажа. Лишь горы приносят успокоение...

Эрвин попытался заверить леди Софию, что доехал хорошо, сохранив душевное и телесное здоровье. Герцогиня положила ладонь сыну на плечо, давая понять, что слышит его, а сама обернулась в сто-

рону слуг на приставных лестницах, развертывающих по стене яркое полотнище.

— Нет же, нет! О боги! Что вы делаете? Это «Сошествие Праматери Янмэй», в нем столько празднества! Ему следует висеть вон там, против южных окон, и оно заискрится. Сюда поместите нечто помягче, что-нибудь тенистое...

— «Агата в гроте косули»? — предложила Иона.

— Да, да, словно с губ сняла!

Эрвин огляделся. Три гобелена уже нашли свое место на стенах, еще несколько полотнищ слуги с величайшей осторожностью переносили по залу. Люстры свисали с потолочных стропил так, чтобы выгодно освещать те или иные фрагменты полотен. В воздухе висела щиплющая мелодия, навевающая то ли мечтательность, то ли зеленую тоску.

— Миледи, гобелены?.. — удивился Эрвин.

— Да, дорогой! Ты тоже чувствуешь, как они хороши здесь? В замковой часовне для них было слишком мрачно.

— Но это же малая трапезная, она — для слуг!

— Только не во время свадьбы, мой милый. Челядь разместится во дворе, под открытым небом. Здесь будет музыкальный салон. — И громче, слугам: — Свечи выше — те, что возле Праотцов! Праотцы пасмурны, как им и подобает, а пятно света на лицах все испортит.

Музыкальный салон?.. Эрвин поднял брови. В замке Первой Зимы — этом угрюмом бастионе? Что ж, возможно, и неплохая идея. Это развлечет первородных гостей и смягчит суровость замка, а графиня Сибил Нортвуд позеленеет от зависти, что само по себе забавно. Но вот мастерство музыкантов оставляло желать лучшего. Клавесин, арфа и свирели мучительно старались попасть в унисон, но никак не справлялись с трудной задачей. Одна из свирелей уносила галопом вперед, словно конница авангарда, клавесин рысил следом, арфа погружалась в отрешенное самосозерцание. Именно она и придавала оттенок тоски. Судя по одежде, свирели были из группы бродячих артистов, а клавесинист и арфистка — горожане Первой Зимы.

— Крестьянское ополчение идет в бой, — прокомментировал Эрвин. — Чудеса выучки и дисциплины.

— Не рань мое сердце еще глубже, жестокий отпрыск, — вздохнула герцогиня. — Они довольно неплохи каждый в отдельности, хотя вместе еще не сыгрались. Но я поработаю с ними вечером, ночью и завтра также.

Масштаб подготовки неприятно поразил Эрвина. Эта свадьба — жест отчаяния! Праздновать ее так бурно — все равно что выставлять напоказ собственный позор!

Да, возможно, Иона радуется отъезду из Первой Зимы — сам Эрвин тоже радовался, отправляясь в столицу. Да, может быть, со временем сестра полюбит мужа. Но то и другое не имеет значения. Виттор

Шейланд невысокороден и чертовски богат. Любой, у кого имеется в голове хоть унция мозгов, сделает из этого очевидные выводы. Великий дом Ориджин проиграл очередную схватку с нищетой и выплачивает дань победителю.

Эрвину захотелось крикнуть во весь голос: «Остановитесь! Снимите проклятые гобелены, прекратите репетицию! Отмените этот праздник унижения!» Но — рано. Требуется отцовское «да», а до тех пор Эрвин не в силах повлиять на что-либо.

— Мама, расскажи мне, — учтиво спросил молодой лорд, — как ты живешь? Что на душе?

Взгляд леди Софии уплыл к небу.

— Весна ли, свадьба ли... Я ощущаю проблеск теплого света, словно иду навстречу восходящему солнцу. Хочется, нейметса передать это — тебе, Ионе, отцу, всему миру. Света может быть так много, его на всех хватило бы! Я жажду, чтобы все его почувствовали, и не могу найти способ. Все так тщетно...

Эрвин украдкой переглянулся с сестрой.

Два года назад нечто сместилось в душе герцогини. Рихард Ориджин — краса и гордость северного рыцарства, старший сын леди Софии — отплыл каравеллой из Беломорья, направляясь на юго-запад, в Закатный Берег. Экспедиция не была военной, молодой лорд Рихард по поручению отца должен был провести несложные переговоры с западниками, потому взял всего один корабль эскорта. Обе каравеллы исчезли без следа — не пришли в Закатный Берег и не вернулись в северные воды.

С тех пор герцогиня София Джессика вела с богами непрерывный мысленный, лишь ей одной понятный диалог. Она словно верила, что существует какой-то, хоть сколько-нибудь значимый ответ...

Леди София продолжала с упоением в голосе:

— Святые отцы ничего не знают, я давно убедилась в этом. Их слова — эхо других слов, а те были эхом третьих, а те — четвертых... Цепочка призраков. Во всем этом слишком мало жизни. Лишь творения богов — Священные Предметы — даруют подлинный свет. Эрвин, дорогой, ты непременно должен отправиться со мною в святилище. Я хочу научить тебя смотреть на Предметы моими глазами — в них столько радости!

— Да, миледи, — покорно кивнул Эрвин.

— Я составлю вам компанию, — подбодрила брата Иона, тронув за локоть.

— А верно ли говорят, — обратилась к Эрвину мать, — что император Адриан также близко заинтересовался Священными Предметами? Правда ли, что он изучает божественные творения в надежде раскрыть их тайны, научиться говорить с ними?

— Да, миледи. Владыка Адриан поручил такую задачу магистрам Университета Фаунтерры.

— Как мудро! Предметы — это высшая истина, воплощенный свет! Они способны озарить и преобразить любую, даже самую ничтожную душу...

Невпопад резкая трель испортила концовку речи, и герцогиня воскликнула в сердцах:

— Прекратите, бездари! Утихните! Я займусь вами позже!

Эрвин пришел к выводу, что уделил матери достаточно времени и дань вежливости отдана сполна. Спросил:

— Как отец? Занят ли он? Где могу его найти?

— Отец... — Леди София Джессика скатилась с небес на землю. — Десмонд. Он неизменен. Есть люди, стоящие выше перемен. Однако он приготовил для тебя кое-что.

— Для меня?

— Да, мой милый. У Десмонда припасена одна задумка, и тебе отводится в ней важная роль. Надеюсь, тебе придется по душе. Я была бы счастлива оказаться на твоём месте.

Весьма странно! Отец никогда не отводил ему важной роли в чем-либо.

— И какова его задумка? — спросил Эрвин, но не успел получить ответ. Черно-алая фигура воздвиглась за его спиной.

— Милорд, отец желает видеть вас.

Эрвин повернулся к человеку. Если вдуматься, это забавно до дрожи: толщина каменной маски на лице — столь же верный показатель родовитости, как и количество имен. Данный утес зовется Артур Эльза Мей рода Глории, посвященный кайр, барон Хайрок и кастелян замка Первой Зимы. Левая рука герцога.

— Да, кайр, я иду.

Едва они покинули малую трапезную, Артур хмуро сообщил:

— Вам следовало поприветствовать отца прежде, чем мать и сестру.

— Тьма, я и пытался это сделать с момента своего прибытия! Ваши люди потратили целый час, чтобы доложить обо мне!

Дальше шли молча, гулко выбивали шаги по галереям, по винтовым каменным ступеням. У дверей отцовской комнаты двое красно-черных воинов разом положили руки на эфесы мечей. Двое кайров здесь? Парадный караул? Никак, к моему приезду, сообразил Эрвин, и тут же на ум пришло памятное с детства: шестое правило общения с отцом — никогда не улыбайся, даже стоя за его дверью. Он вошел в комнату.

Герцог Десмонд Ориджин стоял спиной к сыну, у бойницы, упершись руками в стену. На нем была простая серая рубаха без ворота, но даже седая голова сидела на короткой шее. Фигура бога-быка, которому поклоняются кочевники на Западе...

Отец обернулся, и Эрвин склонил голову.

— Желаю здравия, милорд.

Герцог кивнул кастеляну:

— Можешь идти, Артур.

Тот ушел, хлопнула дверь.

— Эрвин... подойди.

Он подошел, герцог пожал ему руку.

— С возвращением, сын. Как сложилась дорога?

Эрвин сдержал бровь, поползшую было вверх. Сколь странная вежливость родителя!

— Дорога была легкой, милорд. Я старался добраться поскорее.

— Вот и хорошо. Садись.

Эрвин сел, герцог протянул ему кубок. Проклятая традиция — пить за встречу. Мерзкий, мерзкий ордж. На этот раз Эрвин почти не скривился.

Герцог осведомился о делах в столице, о Палате Представителей, о здоровье императора. Эрвин заверил, что столица процветает, Палата являет неизменную мудрость, а владыка Адриан — здоров и полон сил. Эрвин добавил, что счастлив служить империи столь же преданно, как и родной Первой Зиме.

— Это похвально, — кивнул герцог. — Рад слышать.

— Как обстоят дела на Севере, милорд? Каковы новости?

Эрвин прекрасно знал, что все новости сводятся к тем или иным затратам и новым тысячам эфесов, взятым в займы. Разумеется, отец не станет говорить об этом — великий лорд презирает беседы о деньгах. Но он подумает о деньгах — как раз это и нужно Эрвину.

— Все своим чередом, — ответил отец.

— Я видел леса у собора Светлой Агаты. Случилось нечто? Храм требует ремонта?

— Отнюдь. Я принял решение расширить усыпальницу, в связи с этим идет строительство подземной часовни и реконструкция западного придела. Как ты знаешь, необходимость назрела давно.

Эрвин постарался скрыть удивление. Усыпальница Ориджинов под фундаментом храма Светлой Агаты — это, по сути, подземный собор размером в половину своего надземного собрата. Усыпальница имеет свой алтарь, трансепты, нефы, капеллы. Она огромна, как сказочная пещера, и освещается искровыми лампами — свечные огоньки бесполезны в таком пространстве. Усыпальница уходит вглубь земли на сотню футов, ее своды опираются на колоссальные гранитные колонны и держат на себе фундамент собора Агаты. Склепы, которых в усыпальнице почти полсотни, врыты еще глубже в землю, к ним ведут крутые каменные лестницы. Как-никак великие предки должны покоиться поближе к Подземному Царству.

Усыпальница переполнена, и уже давно его светлость Десмонд Ориджин высказывал мысль о необходимости достроить второй зал. Останавливала чудовищная стоимость сооружения. Первую усы-

пальницу строили общими усилиями несколько поколений Ориджинов. Неужели отец сумел найти такие средства?!

— Милорд, позвольте спросить — во что обойдется строительство?

— Точная сумма расходов еще не определена. — Тон отца сделался раздраженным. — Первые затраты составят около тридцати тысяч эфесов.

Эрвин присвистнул.

— Милорд, откуда... — Внезапно он понял, откуда взялись средства. — Иона?..

— Это в столице тебя обучили такой манере ставить вопросы? Ты не в столице. Говори четко и ясно.

Четкость и ясность — порою это весьма на пользу. Можно сформулировать вопрос так, что он станет красноречивей утверждения.

— Милорд, вы смогли позволить себе строительство благодаря выкупу, который заплатил за леди Иону банкир Шейланд?

Разумеется, Эрвин выделил интонацией титул сестры и профессию жениха. Герцог процедил:

— Не думаю, что это касается тебя. Выкуп уплачен, и я распорядился им, как счел нужным.

Давить на отца — опасное дело. Однако сейчас на стороне сына могущественный союзник — нищета. Необходимо, чтобы отец задумался о ней — ощутил глубину пропасти, вязкость дна под ногами. Тогда он одобрит план Эрвина.

— Каково ваше отношение к этому браку, милорд?

— Я позволил брак. Кажется, этим мое отношение выражено ясно.

— Граф Шейланд происходит из рода девятой Праматери. Его дед был купцом, отец — банкиром, он и сам не оставил банковское дело. Считаете ли вы, милорд, что он достоин называться нашим родичем?

— Ты оспариваешь мое решение?

— Нет, милорд. Я хочу вас понять.

Отец угрюмо качнул головой.

— В том и беда. Ты пытаешься понять вещи, которые лорду должны быть очевидны.

О, я понимаю много больше, чем вы думаете! В частности, милорд, мне ясно, что вы — в тушике. И даже продажа единственной дочки отсрочит крах на год, возможно, на два, но не больше. Как мудро и дальновидно, что вы вложили львиную долю выкупа в строительство огромной могилы и не погасили хотя бы часть наших бесчисленных долгов!

— Я убеждаюсь, — продолжил герцог, — что мое решение отозвать тебя из столицы было совершенно правильным.

А вот это уже нечто новенькое!..

— Отозвать из столицы?..

— Какое из этих слов тебе неясно?

— Я полагал, что прибыл на свадьбу сестры, милорд.

— Не только. Ты нужен мне здесь, на Севере. Я хочу, чтобы ты начал постигать науку, которую не преподают в Университете.

Нужен на Севере? Нет, милорд, я нужен в столице! И отправлюсь туда, как только вы дадите согласие.

— Милорд, о какой науке идет речь?

Вместо ответа его светлость подозвал Эрвина к бойнице, указал в проем:

— Что ты видишь там?

Эрвин видел изумрудную долину с овечками и крохотными крестьянскими домиками. Что хотел услышать отец — догадаться было трудно.

— Долину Первой Зимы, милорд. Сердце герцогства Ориджин.

— И как, если уж говорить твоим языком, бьется это сердце? Ровно? Мощно?

Молодой лорд округлил глаза. Отец сам начинает ту тему, к которой Эрвин пытался подступиться? Что за удачный день!

— Мы беднеем, отец. Мы почти нищи, — с выверенным холодком в голосе отчеканил Эрвин. — Два столетия назад батальоны наших кайров держали в страхе весь Север и Запад, в Первую Зиму текла золотая река податей и даров. Столетие назад мы лишились значительной части наложных земель — Корона передала их новым фаворитам, боясь нашего усиления. Но войны шли одна за другой, наши услуги требовались Короне, и она щедро вознаграждала нас. Последние же полвека... Мир и стабильность в империи — наша погибель. Красно-черные батальоны — по-прежнему грозная сила, но герцогству едва хватает денег, чтобы содержать ее. Что я вижу за окном, милорд? Соломённые домики с несчастными крестьянами, из которых мы выжимаем последние соки, чтобы прокормить и вооружить двадцать пять тысяч многоопытных убийц.

Эрвин перевел дух. Герцог медленно кивнул и сел.

— Хорошо, что ты понимаешь это. Признаться, я думал порою, что судьба родной земли и вовсе не волнует тебя. Я рад своей ошибке.

— Да, отец.

— Раз ты осознаешь наше положение, спрошу: не думал ли ты о том, как исправить дело?

Думал?! Ха! Ха-ха! Я посвятил последний год тому, чтобы сконструировать свой план, вдохнуть в него жизнь, заручиться поддержкой нужных людей, привести механизм в движение!

— Милорд, я весьма часто думал об этом. Более того, всю дорогу до Первой Зимы я жил надеждой посвятить вас в свои мысли.

— С большим удовольствием выслушаю, — благодушно наклонил голову герцог. — Приятно, что ты начинаешь размышлять как лорд.

Эрвин прочистил горло. Он множество раз продумывал эту речь. По правде, он даже ее репетировал.

— Милорд, как вы знаете, владыка Адриан готовит большие изменения в жизни империи Полари. Традиционно лишь Земли Короны платят Династии постоянный налог. Все Великие дома — правители графств и герцогств — обязаны Короне военной службой и другими вассальными повинностями, но не податью. Налог платят только те правители земель, кто желает откупиться от военной службы, а таких немного.

Герцог кивнул.

— Но аппетиты императора растут, — продолжал Эрвин. — Владыка Адриан тянет сеть рельсовых дорог. Он многократно заявлял: его мечта — соединить рельсами всю империю, так чтобы пересечь ее из края в край можно было бы меньше чем за месяц. Это чудовищная задача, грандиозный труд. Чтобы устроить это, потребуются в разы больше золота, чем Корона имеет сейчас. Существует лишь один мыслимый способ получить столько денег: обложить податью Великие дома. Отменить вассальную службу для всех земель и заменить ее налогом.

— Правильно, — вновь кивнул герцог. — Наши представители в Палате докладывают, что именно таково и есть намерение императора. Но к чему ты ведешь?

— Великие дома противятся налогу. Отмена воинской службы — удар по чести, а подать — удар по кошельку. Мало кто хочет лишиться одновременно и меча, и монеты. Особенно теперь, в спокойное время, когда военная служба столь мало обременительна. Начинается конфликт. Он достигнет вершины в сентябре: состоится заседание Палаты Представителей. Император выставит на голосование закон о налоге. Он не сможет ввести в действие реформы без поддержки хотя бы половины Палаты. Сейчас же на стороне императора лишь два Великих дома из тринадцати.

Отец согласно кивнул. Все шло на диво легко, Эрвин неся к цели как стрела, выпущенная умелой рукой. Задним фоном мелькнула мысль: нет ли подвоха в подобной легкости?.. Однако в плане Эрвина не могло быть изъянов: все слишком тщательно рассчитано и выверено, все учтено!

— Владыка Адриан планирует исправить положение и привлечь на свою сторону недостающие голоса при помощи весьма эффективного инструмента: собственного брака. Император заявил, что этим летом заключит помолвку. Имеются три претендентки на корону правительницы, за спиной каждой стоят коалиции из нескольких Великих домов. Выбрав одну из невест, владыка Адриан получит в Палате поддержку соответствующей коалиции. Однако каждая претендентка имеет свои весомые недостатки, которые я опишу отдельно, если потребуется. Выбрав любую из них, император понесет определенный политический урон и окажется в уязвимом положении. Если говорить грубо, среди трех вариантов брака нет идеального. Владыке бы-

ло бы выгоднее отложить помолвку либо выбрать невесту не из числа трех претенденток, которых сватают ему Великие дома. Но тогда он не получит нужной поддержки в Палате и его рельсовые реформы будут провалены. Как видим, император находится в затруднительном положении, если не сказать — тупиковом.

Эрвин выдержал драматическую паузу, придавая значимости своим следующим словам:

— Я нашел способ, как помочь владыке решить это затруднение.

Лишь несколько раз в жизни он видел своего отца удивленным — и сейчас был один из тех случаев. Герцог склонил голову, придвинулся, навис над столом с выражением величайшей заинтересованности.

— И что же это за способ?

— Милорд, мне удалось собрать свою собственную коалицию. В нее входят четыре Великих дома и еще одна значимая сила. Моя коалиция готова поддержать императорские реформы независимо от его брака. Тем самым он получает надежную опору в Палате и свободу в выборе невесты.

— Твоя коалиция?.. — переспросил герцог.

— Да, милорд.

— И кто же в нее входит, позволь узнать?

Эрвин перечислил — звонко отчеканил четыре имени. Три великих лорда-землеправителя и его преподобие архиепископ Фаунтерры. Договор с каждым из них был его гордостью, подлинным произведением искусства дипломатии!

— Конечно, я также рассчитывал на вашу поддержку, милорд, — добавил Эрвин, глядя в глаза отцу.

— Ты рассчитывал на мою поддержку? — Зрачки герцога сузились.

— Простите, милорд, я выразился дерзко. Я имел в виду следующее. Моя коалиция ожидает вашего согласия, чтобы начать действовать. Вам стоит лишь сказать «да» и позволить мне говорить от вашего имени.

— Что же произойдет, если я дам согласие?

— Мы поддержим императора на осеннем голосовании, и его реформы будут приведены в жизнь. Взамен он даст нам...

— Он даст нам взамен? — переспросил герцог и почему-то нахмурился. Эрвин не придал этому значения.

— Да, милорд. Император возьмет на содержание треть нашего войска, тем самым понизив наши расходы на сто пятьдесят тысяч эфесов в год. Кроме того, половина наших долгов Короне будет прощена. Но и это еще не все. Мы получим также...

Эрвин глубоко вдохнул и назвал главный приз. Нечто, о чем герцоги Ориджин мечтали на протяжении нескольких поколений. То, что решило бы все вопросы с деньгами.

● Игра на грани ●

МОНЕТА

*Май 1774 года от Сошествия Праматерей
Герцогство Южный Путь*

Двое суток на борту шхуны Хармона Паулу терзала тревога — налетала вспышками, как лихорадка, лишала аппетита и сна. Но, когда он ступил на берег в Южном Пути, в приозерном городке, где оставил свой обоз, на душе сразу стало спокойнее. Все, кто мог знать тайну Предмета, остались по ту сторону озера, а торговца окружили привычные места и давным-давно знакомые люди. Светлая Сфера, обернутая в рубаху, мирно дремала за пазухой торговца и больше не буравила ему брюхо мрачными предчувствиями.

Хармон нашел обоз в полном порядке. Снайп с Луизой успели поторговать в отсутствие хозяина, и дезертир передал Хармону выручку. Вихоревы дети подскочили с расспросами к Полли — она успела полюбоваться им за недолгое время знакомства. Доксет подкрался к Хармону с осторожным вопросом:

— Хозяин, как оно сложилось-то, заработали монетку?..

И Хармон тут же понял, что оставленные Доксету четыре агатки тот уже благополучно пропил.

А Луиза со своей крестьянской обстоятельностью спросила:

— Почему вышла шерсть? Сколько вы прикупили? А мешки где — еще с корабля не сгрузились?

«Какая шерсть?» — чуть не брякнул Хармон, но тут вспомнил: а и вправду шерсть! Каждую весну, бывая в Уэймаре, Хармон закупал пару пудов роскошной ориджинской овечьей шерсти, что доставлялась кораблями по Морю Льдов и Торрею. Она выходила почти вдвое дешевле против той, которую купцы Южного Пути везли сушей. Переправив овчину через озеро и проделав сотню миль на юг в телегах, Хармон продавал ее в Альмере и выручал на этом неизменный десяток елен. Но в этот раз он напрочь позабыл о шерстяной ярмарке!

Торговец непроизвольно потеревил Священный Предмет, спрятанный под кафтаном, и ответил Луизе:

— Ярмарка гнилая в этом году — на Севере овечий мор или что-то такое. Овчины мало, и вся дорогущая.

— Так, может, и следовало прикупить? — прицепилась Луиза. — Коли овцы дохнут, шерсть растет в цене. В Уэймаре подорожала вдвое, а в Альмере, глядишь, и втрое вырастет.

— Говорю же: мало ее и гнилая какая-то. Всегда снежная, а теперь — серая, да с желтизной, как рубаха нестираная. В Альмере такая и даром не нужна. — И, заранее перебив дальнейшие расспросы, торговец добавил: — Но это не беда, я взял кое-что получше шерсти.

С тем он извлек на свет верительную грамоту с графской печатью. Люди сунулись поглядеть. Памятуя о том, что Джоакин пусть и скверно, но умеет читать, Хармон лишь махнул бумагой перед его носом, зато Вихорю с Луизой и Снайпом дал изучить ее как следует. Они все равно ни слова не поймут, но рассмотрят печать и сообразят, что дело важное. Так и вышло: все трое уважительно покивали и перевели на хозяина вопросительные взгляды.

— Граф поручил мне продать кое-какую земельку, — сказал торговец. — В Южном Пути есть несколько охотников до нее, а эта вот бумаженция — грамота на владение. Продадим ее — хорошо заработаем. Дело пахнет десятком-другим золотых.

— Землей, значит, теперь торгуем... Лордикам помогаем... — проворчал Снайп и посмотрел хмуро, исподлобья.

Он терпеть не мог лордов-землевладельцев. Один из этой породы несколько лет держал Снайпа в войске, не отпуская домой к жене и малым детям. А позже, когда Снайп сбежал, лорд отнял у его жены две трети надела: без мужа, мол, ты и треть не возделаешь, а коли муж вернется — все равно повесим, так что земля, мол, тебе теперь без надобности.

— Только один раз, — примирительно молвил Хармон. — Ты же видел, как оно: граф меня личным письмом вызвал, не мог же я отказать! Да и деньги ему нужны на благое дело.

— Это какое же? — сверкнул глазом Снайп. В благие дела, творимые лордами, он не верил.

— Жена у него... — начал Хармон и понял, что про невестин выкуп говорить-то как раз не стоит. — Леди Иона желает открыть госпиталь, помогать увечным и хворым. Вот на это денежки и понадобились.

— Добрая душа, — сказала Луиза, Вихорь кивнул.

Джоакин тоже согласился, хотя и покривил губы. Один Снайп недоверчиво покачал головой. Спорить он не стал, но видно было, что чуёт подвох в словах хозяина. Ну и пусть себе, решил Хармон. Не веришь — так не верь. Правда все равно настолько диковинна, что ты ее в жизни не угадаешь!

Вскоре обоз тронулся в путь.

Городок мало чем был примечателен. Протискиваясь его улочками, Хармон видел все, что обыкновенно увидишь в небольших городках. Очередь у колодца галдит и хихикает, добрая половина ее — дети. Толстая женщина ведет по улице худосочного мужичка, щедро награждая его тумачами. Он, похоже, пьян в стельку: то и дело спотыкается, и жене приходится ловить его за шиворот. Двое подмастерьев спе-

шат куда-то с увесистыми котомками за плечами, но все же находят время задержаться и поглазеть на мрачного старикана, прикованного к позорному столбу. На церковной паперти несколько нищих просят милостыню: у одного сухая рука, у другого — следы пчелиной напасти на лице, его сторонятся. Над переулком полощется на ветру выстиранное белье; две соседки — носатая старуха и веснушчатая молодка — неторопливо бранятся, высунувшись в раскрытые окна. На мосту, у бочки уличного торговца пивом, собралась кучка горожан, кто-то возмущается — видать, пиво жидковато... Словом, обычная жизнь, обычные люди, да только глядел на все это Хармон другими глазами. Еще совсем недавно ровнял бы себя с этими людьми: он лишь половчее слегка, а так — такой же, ничем не особенный. Но теперь Хармон смотрел на мещан словно бы со стороны и сверху, как будто из окна верхнего этажа собственного дома. А вот, кстати, и дом неплохой: трехэтажный, четыре окна на площадь, второй этаж выдвинут на колоннах, нависая над улицей. Там, под навесом, лотки можно поставить, если вдруг захочется поторговать по старой памяти. Фасад расписан слегка игриво: голая женщина льет воду из кувшина, птички порхают, здесь вот козочка с золотыми рогами. Это хорошо, когда дом выглядит радостно. Не то что какие-нибудь мрачные гербы с оскаленными волками или когтистыми нетопырями! Интересно, сколько стоит этот дом? Пожалуй, сотни три...

Способность считать в уме быстро и незаметно для окружающих — часть мастерства торговца. Люди не любят, когда ты слишком расчетлив. Положим, продаешь ты фунт чаю за тридцать шесть агаток, а богатый покупатель говорит: «Возьму семь фунтов. Почем отдашь? Сколько скинешь от суммы?» Если начнешь хмурить брови, шевелить губами, про себя числа проговаривая, да еще, чего доброго, счеты достанешь — покупатель скривится, подумает: «У-у-у, какой скупердяй! Каждую монетку считает. Пойду-ка лучше других торгашей поспрашиваю, у них дешевле выйдет». Совсем иное дело, если мгновенно прикинешь в уме, что прибыль твоя на этой продаже — сотня с гаком агаток, и двадцать из них можно и скинуть, но лучше — не двадцать, а десять. А для ровного счета — восемь, это как раз одна серебряная gloria выйдет. И вот, не моргнув глазом, считаешь все это в уме, и тут же, с широким таким взмахом рукой говоришь: «Кому другому — не уступил бы, но вам, добрый господин, — полновесную gloria уступлю!» Тут уж покупатель твой, никуда не денется.

Хармон сидел на козлах телеги, полуприкрыв глаза, вполуха слушал, как бранятся в очередной раз Луиза с Вихорем, как Джоакин, пристроившись около задка фургона, втолковывает что-то сидящей там Полли, как Снайп ворчит на встречных крестьян — с ними не разминешься на узкой дороге. Казалось, торговец безмятежно дремлет, разморившись от весеннего солнышка... однако он не дремал, а с лег-

костью, вызвавшей бы зависть у многих студентов, суммировал, перемножил и делил в уме.

Хороший дом на центральной площади где-нибудь, скажем, в Смолдене — три сотни. Для запаса возьмем четыре сотни: вдруг ремонт потребует или продавец заартачится. Дальше — кони. Тройка верховых: один пусть будет рыжий красавец-литлендец, чтобы городским толстосумам завидно стало, — это пара сотен. Потом гнедой жеребец — западник, похуже с родословной, но выносливый и смиренный; и белая кобыла — ведь женюсь же я со временем, а жене белая лошадь хорошо подойдет. Эти двое станут мне, положим, в сотню эфесов. Потом два экипажа: крытая карета и тарантас без верха, а к ним шестерка упряжных лошадок — три сотни... нет, три с половиной пускай. Карету ведь захочу знатную, со стеклами, медными украшениями и фонарями. Сарай для конюшни понадобится — это недорого, хватит дюжины эфесов. Построю баню... нет, лучше — купальню! Как на юге делают: мраморная такая круглая изба вроде часовенки, посредине — большая лохань с горячей водой, вокруг — лавки, покрытые коврами, чтобы полежать, а по стенам и потолку — резные узоры. Красиво! Ни у кого в городе больше такого не будет. Во что обойдется? Ну, сотни полторы, пожалуй. Может, две...

Обоз катил среди полей, бело-розовых от гречневого цвета. Луиза назвала Вихоря старым ослом, которому в башку четыре ржавых гвоздя вбили, плюнула и ушла в заднюю телегу. Снайп вытащил откуда-то вяленого озерного карасика и принялся грызть. Рыбешка благоухала еще похлеще, чем давно не стиранный рубаша охранника. Джоакин рассказывал Полли про Запад, с мечтательным видом ронял слова: простор, лихие кочевники, кони, свобода... Девушка ахала и чистила для него яблоко.

А Хармон Паула Роджер вел дальше свою думу: нужны будут слуги. Повар с поваренком, пара лакеев, пара горничных, пара конюхов, кучер. Да еще охранников человека три. Немаленькая компания вышла! Сюда же докину пропитание для всех, овес и сено лошадям. Обойдется в полдюжины эфесов за месяц. Это значит, восьмисот золотых хватит с лихвой на десять лет вперед. И потом, хотел я винный погреб открыть: значит, прикупить дом с подвалом, запастись вином, людей нанять... сотни в полторы обойдется. Сколько же выходит общим счетом?

Выходило две тысячи двести золотых эфесов за все про все. Если продать Священный Предмет за четыре тысячи, то останется тысяча восемьсот монет. Плюс те триста пятьдесят, что скоплены на банковском счету. Две тысячи сто пятьдесят золотых — свободных! Просто, на жизнь!

— Знаешь, — сказала Полли Джоакину... Это когда же они на «ты» успели перейти? — Знаешь, стыдно сказать, я в седле никогда не сиде-

ла! Выросла в городе, его по кругу за час пешком обойдешь. Верховых лошадей в Ниаре только вельможи держали.

— А что, если я научу тебя? — Воин наклонился к ней и подмигнул. — Хочешь?

— Еще бы!

— Тогда давай ко мне!

Он подхватил ее, и Полли очутилась на спине Джоакиновой кобылы, впереди воина. Он отдал девушке поводья и накрыл ее ладошки своими руками.

— Удобно сидишь? Чувствуешь лошадь?

Надо полагать, Полли чувствовала не только лошадь, а и кое-кого поинтереснее — она прижалась спиной к груди Джоакина и порозовела от удовольствия. Парень ударил кобылу пятками и пустил рысью, они вырвались вперед обоза.

Хармон смотрел им вслед из-под приопущенных век и завершал подсчет. Сколько лет мне еще отмерено на свете? Это вопрос неясный, но, положим, боги милостивы будут и тридцать весен еще повстречаю. Значит, если распределить остаток денег на эти годы, то выйдет у меня по семьдесят эфесов на год, или по шесть на месяц. И это не считая доходов от винного погребка! Глядишь, и все десять наберутся! Торговец не сдержал улыбки. Десять золотых в месяц — на прихоти, забавы, нарядные кафтаны, вкусные вина, яркие свечи, на певцов и девочек! Эх, заживу! Тьма, прав был граф Виттор, прав как черт: все теперь по-новому будет. Начинается новая жизнь Хармона Паулы Роджера! Точней, начнется через месяц-другой — сразу, как продаж Предмет.

Джоакин с девушкой ускакали далеко вперед и свернули с дороги в поле. Белокурые волосы Полли растрепались, ветер донес до Хармона девичий смех. Торговец почесал грудь и понял, что в картинке его новой жизни одна деталь еще не прорисована как следует: жениться нужно, вот что.

Из четырех возможных покупателей, чьи имена назвал граф Виттор, двоих Хармон решил навестить в первую очередь. Причина проста: эти двое находились ближе других — здесь, в герцогстве Южный Путь. Барон Хьюго Деррил — доверенное лицо герцога — жил в столице Южного Пути, Лабелине. Гобарт-Синталь — успешный купец-корабельщик — обретался в Солтауне, порту на Восточном море. Хармон Паула Роджер решил начать с Гобарта. Барон Деррил слишком могуществен, к тому же за ним ходит слава жестокого и мрачного человека. А Гобарт-Синталь — торговец, хоть и богатый, с ним Хармон быстрее найдет общий язык.

В Солтауне Хармон прежде не бывал, как и все его спутники, так что пришлось выспрашивать дорогу. Крестьяне, что в жизни не ходи-

ли дальше трех миль от своего села, в качестве объяснения только махали рукой примерно на восток:

— Солтаун?.. Кажись, там вот, где-то за холмами, в лесу...

Зачуяв неладное, Хармон уточнял:

— Как это — в лесу? Солтаун — морской порт.

— Ах порт!.. Ну, тогда, знамо дело, на море! Чего ж ты спрашиваешь?

Слова «на море» крестьяне произносили так, словно это было ясное и точное описание местоположения города. Ничего, что морской берег тянется вдоль всего восточного края герцогства — миль двести.

Под вечер они встретили мельника с двумя телегами муки. Тот выглядел знающим путником и уверенно заявил, что ехать надо мимо разваленной церкви налево, пересечь ручей, обогнуть пастбища Хмельного лорда, миновать две деревеньки — Верески и Бычий Рог, а там уже начнется прямой тракт до Солтауна.

Хармон со своими людьми двинулся налево мимо разваленной церкви и переночевал у ручья. Ручей оказался полноводным и чистым, и вечером Полли зачем-то громко объявила, что идет купаться, а вскоре после того куда-то исчез Джоакин. Утром обоз двинулся дальше, обогнул пастбища, что оказались вовсе и не пастбищами, а вересковыми полями, миновал две крохотные деревеньки, и тут у Хармона закралось неприятное подозрение. Солнце упорно светило в спину, что означало, что двигались они на север, а надо ведь на восток! Остановились, призадумались. Джоакин и Снайп отправились в разные стороны получше разузнать дорогу. Снайп вернулся ни с чем, зато Джоакин повстречал почтового курьера, скачущего с севера, из Клыка Медведя.

— Солтаун? — устало хохотнул курьер. — Продолжайте той же дорогой, и скоро вам мишки станут попадаться. Вы в Нортвуд едете, а не в Солтаун.

Северянин знал правильный путь, но, измученный многодневной ездой, был немногословен. Сказал лишь, что следует вернуться к развалинам церкви, а от них двигаться на восток, через земли сира Вомака.

— Уж не Бен ли это Вомак? — переспросил Джоакин. — Какой у него герб?

— А я тебе герольд, что ли? — буркнул северянин и ускакал.

Джоакин, пересказав все Хармону, добавил со скромной важностью:

— Я знал одного сира Бена Вомака. Он был в войске графа Рангитара, как и я. Его герб — три желудя и чаша.

Раньше торговца забавляло смотреть, как молодой воин похваляется при каждом удобном случае, но сейчас отчего-то Хармон скрился. А вот Полли улыбнулась и ахнула:

— Так ты знаешь здешнего лорда?

- Ну, не совсем близко... Просто служили в одном войске.
- Не пригласит ли он нас на обед?
- Может статься.

Обоз двинулся обратно, потеряв два дня пути. Ночевать у ручья в этот раз Хармон не захотел. Протянули дальше, уже затемно остановились среди поля. Большая часть свиты уснула сразу после ужина, расположился на ночлег и Хармон, но сон почему-то не приходил. Дело в Предмете? Он потеревил Светлую Сферу, сунул руку внутрь свертка, погладил теплое стекло, что не было стеклом. Нет, с Предметом все хорошо — он на месте, спокойно дремлет в своем гнездышке, свитом из льняной рубахи. И никто во всем Южном Пути понятия не имеет, какой груз везет Хармон-торговец. Теперь Хармон был в этом совершенно уверен: как-никак два дня пути по безлюдной дороге — если кто и хотел бы напасть на них, уже напал бы. Так отчего бессонница? Пожалуй, оттого, что Джоакин с Полли все еще не улеглись: сидят вдвоем у костра и шепчутся о чем-то. Тихо так воркуют, ни слова не разобравшись... а жаль. Хорошо бы услышать, что он ей плетет. Хотя на кой черт слушать? И так понятно: излагает в подробностях, какая славная воинская жизнь его ждет. Не ровен час, начнется где-нибудь очередная война, Джоакин тогда наймется в войско к одному из лордов. Там, понятное дело, отличится, ратных подвигов на совершает, рыцарское звание получит. После войны станет жить у лорда в замке, служить в его гвардии. Земельку получит, деревеньку-другую. Потом новая война — в ней Джоакин хорошую добычу возьмет, сможет замок себе выстроить. Ворота гербом украсит — давешним сердцем, из которого меч торчит. Хм. Полли-Полли, бедная мешаночка, ты в этих рассказах главного смысла не замечаешь. А он, смысл, таков: когда ты понесешь от своего распрекрасного Джоакина, он сядет себе на коня — и ищи ветра в поле. Воину на месте сидеть не полагается, ага. А барышне с ребенком в походе не место, так что прощай, дорогая. Дадут боги, еще свидимся.

«Завидую я ему, что ли?» — спросил себя Хармон и тут же отнекался: еще чего! Меня ждут четыре тысячи эфесов! Роскошный дом, купальня, винный погреб, огненный красавец-литлендец. А у молодчика этого впереди — похлебка из солдатского котла, задница, натертая седлом, да шрамы на шкуре. Глупышка Полли... Четыре тысячи...

Наконец Хармон уснул.

Утром они направились на восток по верной — на этот раз! — дороге. Джоакин вел в поводу кобылу, на которой восседала Полли. Девушка училась держаться в седле, и, надо отдать ей должное, прекрасно справлялась. Сидела уверенно, без боязни, даже Снайп проворчал: — Хороша молодка...

А Хармон, сидя на козлах, глядел девушке в спину и думал о трех своих женщинах.

Со всеми тремя знался он давно, уже не первый год и не второй. Когда познакомились, были они еще молоды и — каждая по-своему — хороши.

Бетани из Южного Пути рано овдовела, осталась одна с тремя спиногрызами. Хармон, что раз в полгода привозил ей дюжину елен, оказался для нее подлинным спасением. Бетани была крепкой крестьянкой — простой лицом, но хорошо сложенной. Отлично умела готовить — пальчики оближешь! По случаю приезда Хармона накрывала праздничный стол, потчевала торговца наваристым говяжьим гуляшом, бобовой похлебкой и свежим, прямо из печи, пшеничным хлебом. Да и в постели была ничего — с огоньком. Детей от Хармона, правда, не хотела, говорила: «Мне своих трех с головой хватает, куда еще лишний рот девать?» Пила какие-то отвары, чтобы не беременеть, — торговец в это не совался. Не хочешь — ну и ладно. Позже дети выросли, давно уже не бросались Хармону на шею, радуясь встрече и подаркам, а поглядывали как-то искоса, с неприятным вопросом в глазах. А Бетани за многие годы работы в полях загрубела и телом, и нравом: широкие плечи, мозолистые ладони, лицо обветренное, хриплый голос... От женщины в ней только грудь и бедра остались, прочее — от мужика.

Грета из Северной Короны держала таверну у Торгового тракта. Лучшее, что было в ней, — это жизнерадостный нрав. Грета не унывала никогда, что бы ни происходило. И язык у нее был подвешен отлично: болтала бойко, без умолку, а если что рассказывала — так с шутками, насмешечками. Поговорить с нею — одно удовольствие. Да и собой ничего: глаза зеленые, волосы рыжие. Первый муж ушел от нее, а второго не сыскалось. Грета рожала только мертвых — боги прокляли. Двух крохотных мертвечев родила от мужа, двух — от торговца...

Третья Хармонова альтесса... Всплыло же откуда-то дворянское словечко! Вот ведь!.. Третья Хармонова женщина звалась Марией и жила неподалеку от Смолдена в баронском замке, служила гувернанткой при детях лорда. Если уж говорить о женитьбе, то изо всех троих Мария, пожалуй, была лучшей: неглупа, хорошо воспитана, грамоте обучена, с детьми ласкова, но и строгость может проявить, если нужно. Только очень уж ссоры любила: каждый раз, как Хармон приезжал к ней, не обходилось без свары. И причем не так, как у Вихоря с Луизой — громко и беззлобно, а иначе: с упреком, с тихим таким ядом в голосе. «И когда же, позволь узнать, снова ждать тебя? Этой зимою? Может, следующей? А ты заметил, дорогой, что я с годами не хорошею? Думаешь, мне другой радости нет, кроме как стареть в ожидании?» И в этот раз так вышло: ровно за день до знакомства с Джоакином Хармон выехал из замка, а Мария глянула ему вслед из окна и хлопнула ставней вместо прощания.

Сейчас, перебрав всех троих в уме, прокрутив их лица перед глазами, Хармон уверился: ни одна из этих женщин не годится. Может, в жены странствующему торговцу с тремя телегами имущества и сгодилась бы, но не в хозяйки особняка на рыночной площади!.. Новая жизнь, новый дом, новое дело, красивые кони, дорогие экипажи — женщина должна быть под стать. Не дворянка, нет — зачем ему это надменное капризное исчадие? Довольно он налюбовался на жен своих благородных покупателей, чтобы знать, насколько с такими барышнями бывает непросто. Взять ту же Иону Шейланд... Однако Хармону хотелось помечтать о том, что жена его будет молодой и красивой, с гибким девичьим телом. К тому же милая, ласковая — такая, с которою душа радуется и сердце отдыхает. Не столь важно, какого она будет роду, а важно, чтобы с нею тепло было и радостно и жизнь была — как песня.

С этими мыслями он глядел в затылок Полли из Ниара, а солнечные лучи искрились в ее белокурых прядях. Глядел — и время текло как-то по-особенному, не как всегда.

После полудня обоз торговца въехал в земли сира Вомака. Они поняли это, когда увидели маячащий на холме за рощей небольшой замок, точнее — укрепленный особняк со знаменем над крышей. Эмблемы было не рассмотреть, но Джоакин почему-то уверился:

— Видать, это он, сир Бен. Заехать, что ли, на огонек?

Заезжать в гости к лорду без приглашения — скверная мысль, и Хармон собрался сказать об этом охраннику. Почти уже придумал подходящую к случаю остроту, когда заметил группу всадников, выехавших из рощи на дорогу. Они направились было в сторону замка, но тут один указал остальным на обоз путников. Вся группа повернула навстречу Хармону.

Их было семеро. Впереди ехал, видимо, здешний лорд — судя по гербовым наручам на его предплечьях. За ним следовала шестерка сквайров в темно-зеленых камзолах. Вооружены они были луками, копьями и длинными кинжалами, лишь у лорда имелся меч. Видимо, отряд возвращался с охоты, только улов их был удручающе мал: по паре заячьих тушек болталось у седел двоих сквайров. Нехорошее предчувствие посетило Хармона.

Отряд охотников преградил дорогу обозу и остановился.

— Вы кто такие? — осведомился лорд.

Джоакин, стоявший впереди, сказал было:

— Здравия вам, сир Бенджамин! Я...

Лорд перебил его:

— Ты — главный?

— Нет, сир.

— Тогда кто главный в этом сборище?

Хармон поднялся на козлах.

- Я главный, ваша милость.
- Слезай с телеги и иди сюда.

Хармон спрыгнул и подошел к лорду. Теперь он заметил, что на лорде под камзолом надета кольчуга. Зачем кольчуга на охоте?.. Может быть, они шли на вепра? А подстрелили только парочку зайцев — нехорошо это, ох нехорошо.

- Кто ты таков? — спросил лорд, глядя на Хармона сверху вниз.

— Я — Хармон Паула Роджер, торговец. А это — мои люди, ваша милость.

— Засунь свою милость поглубже, я не граф! — рывкнул лорд. — Меня зовут сир Бенджамен Вомак.

- Очень рад знако...
- Мне плевать, рад ты или нет.

Если Джоакин знает этого Вомака, самое время ему вмешаться, подумал Хармон. Однако Джоакин молчал. Если он и не соврал о своем знакомстве, то явно не ожидал столь холодного приема. Лорд вел допрос дальше:

- Куда вы?
- В Солтаун, что на Восточном море.
- А откуда?
- Мы прибыли через Дымную Даль, из Шейланда...

— Пфф! — фыркнул один из сквайров. Он нес за плечами большой рыцарский щит и, видимо, служил сиру Вомаку оруженосцем. — Никакие они не шейландцы! Угрюмый хмырь на козлах родился в Блэк-море, толстяк — из-под Алеридана, а блондиночка — из Северной Короны. По рожам вижу.

Сквайр поочередно указал пальцем на Снайпа, Хармона и Полли. Как назло, он довольно точно угадал их родные земли.

- Врете, значит?

— Не врем, милорд! Мы не шейландцы, это верно. Были в Шейланде по торговым делам, теперь везем товар в Солтаун.

- Вы знаете, что находитесь на моей земле?

- Да, милорд. И мы с радостью оплатим вам дорожную пошлину!

Хармон не врал. Он и вправду был бы очень рад, если бы дело ограничилось лишь дорожным сбором, пусть даже в двойном размере. Однако лорд отрезал:

- Думаешь, мне нужны твои жалкие гроши?!

«А что же вам нужно, милорд?» — завертелось на языке у Хармона. Да только он прекрасно знал ответ. Семеро здоровенных охотников зря пропотели весь день, продираясь сквозь лесную чащу, и теперь с пустыми руками возвращаются домой. Настроение у них — хуже некуда. «Прячься в погреб, когда лорд зол. Не вылезай, пока не пообреет», — так крестьяне говорят.

- Милорд, мы готовы...

— У вас там, в Северной Короне, сизый мор, — медленно процедил сир Вомак. — Хворые от вас толпами прут, как саранча. Спасу нет!

— Милорд, мы не из Северной Короны идем!..

— А мне почему знать? Давайте, вылезайте из телег.

Он махнул рукой сквайрам. Трое поняли хозяина без слов и двинулись вдоль обоза, покрикивая:

— Все, кто есть, вылезайте! Прочь из фургонов!

Снайп сунул было руку за скамью, где у него лежала секира, но один из сквайров мигом приставил копьё к его шее и вынудил спрыгнуть на землю безоружным. Вскоре люди сира Вомака согнали с телег и выстроили в ряд всю Хармонову свиту. Лишь Полли оставалась в седле, но вот оруженосец лорда добрался и до нее:

— Дамочка, позволь-ка, помогу тебе.

Он протянул к ней руку, в тот же миг Джоакин схватился за рукоять меча, и два копьё уперлись ему в грудь. Молодой воин замер, оруженосец Вомака подхватил Полли и пересадил к себе в седло.

Лорд неторопливо проехался вдоль строя.

— Ну что, хворые есть?

— Какие мы хворые? — спокойно ответила Луиза. — У хворых морды синие и губы пухнут, потому и зовется сизый мор.

— Знахарка нашлась! — хохотнул оруженосец. — Хозяин, я вот другое слышал. Говорят, у баб от сизого мора сиськи синеют.

— Правда?.. — переспросил лорд с ухмылкой.

— Истинная. А у мужиков — яйца.

— Придется проверить. Раздевайтесь! Ну же, тряпки долой!

Хармон обомлел. На груди его, под кафтаном, покоился в свертке Священный Предмет!

Один из охотников тем временем залез в фургон, раздался треск — он сбивал замки с сундуков.

— Хозяин, тут какие-то пахучие мешки.

— Это чай, милорд! С Юга, из Шиммери! Прекрасный напиток, позвольте мы угостим вас, — пояснил Хармон, надеясь отвлечь внимание Вомака от затеи с раздеванием.

— Чай? Ну-ка, бросай сюда.

Сквайр бросил фунтовый мешочек лорду, тот мгновенно выхватил меч и разрубил мешочек в полете. Чайные лепестки разлетелись облачком.

— Еще! — потребовал сир Вомак.

Сквайр бросил второй мешочек и третий постигла та же участь. Хармон стиснул зубы. Оруженосец лорда хохотнул:

— Охота на чай — забавно! Хозяин, позвольте и мне!

Сир Вомак бросил взгляд на оцепеневших людей Хармона:

— А вы чего замерли? Велено было раздеться!

Луиза — кажется, единственная — все еще не утратила хладнокровия.

— Милорд, ваша правда, мы проезжали Излучину, да только это месяц назад было! Будь среди нас хворый, все бы уже перемерли. А в Шейланд ехали по вызову графа, у хозяина и письмо есть. Покажите им, хозяин!

— Экая грамотная селянка! — бросил один из сквайров и спешил-ся. Подошел к Луизе: — Давай-ка я лучше тебе раздеться помогу!

Вихорь ступил вперед и поднял руки, будто намереваясь защитить жену. У Хармона сердце упало: сейчас сквайр проткнет бедолагу насквозь! Однако Вихорь оказался умнее — он сорвал с себя рубаху и взялся за платье Луизы.

— Не надо, милорд, мы сами. Давайте, мы сами...

— А я помогу блондиночке, — сказал оруженосец и потянул тесемки на корсаже Полли. Девушка тихо ахнула.

«Нужно остановить это! Нужно это остановить!» — стучало в голове у Хармона, но он не мог ни пошевелиться, ни раскрыть рта. Даже не страх — животный ужас поселился на груди, в свертке из льняной рубахи. Сир Вомак — будь он проклят! — смотрел почему-то не на Луизу и не на Полли. Угрюмым взглядом он буравил Хармона Паулу, целясь в переносицу — всего футом выше свертка на груди.

— А тебе, толстяк, особое приглашение нужно? Скидывай шмотки! Поглядим, какого ты цвета.

Деревянные колени Хармона со скрипом согнулись, он сел, принялся стягивать сапоги. Сперва снять обувь, потом штаны. Может, что-то надумаю, пока дело дойдет до кафтана. Но что надумаю? Схватиться и бежать? Куда там! Убежишь от конных! Показать им графскую грамоту? Так ведь это лишний повод головорезам порешить нас всех до единого! Всех в этой роще закопают, даже мелкую Сару — лишь бы граф не узнал, куда подевалась его святыня! Тогда раздеться? Позволить ему увидеть Сферу? Аось не поймет, что за штука... Нет, какое там — не поймет! Я с первого взгляда понял!.. Боги, помилуйте меня. Боги, помилуйте!

— Ты что там шепчешь? — рыкнул сир Вомак. — Молишься?

— Это он просит у богов прощения за свое крохотное хозяйство! — вставил оруженосец.

Сквайры заржали. Половина одежды Хармоновых людей уже валялась в пыли. Один Джоакин продолжал стоять полностью одетый и даже вооруженный: охотники, что стерегли его, отвлеклись на более интересное зрелище. Молодой воин сделал шаг назад, затем еще и, оказавшись в нескольких футах от копейных наконечников, громко сказал:

— Сир Вомак, меня зовут сир Джоакин Ив Ханна с Печального Холма.

— Сир Джоакин?.. — уставился на него лорд. — Ты хочешь сказать...

— Я не закончил! — рывкнул Джоакин с такой силой, что лорд от неожиданности умолк. — Я знаю вас, сир Вомак. Мы с вами вместе бились под знаменами графа Рантигара на Мельничном броде и у Трех Ив. Тогда вы еще были человеком чести.

Сир Вомак двинул коня к нему:

— Смеешь оскорблять меня, юнец? Я тебе башку снесу!

— Как раз это и хотел вам предложить, — с холодной улыбкой произнес воин. — Сир Вомак, я вызываю вас на поединок.

Внезапно лорд осознал, что веселая забава может обернуться опасностью для его бесценной жизни. Остановил коня, обвел взглядом своих сквайров, указал мечом на Джоакина, оставаясь, однако, в нескольких ярдах от него.

— А почему бы вместо этого мне не приказать своим людям нанизать тебя на копьё?

— Потому, сир Вомак, что в таком случае ваши люди узнают, что вы, одетый в кольчугу, побоялись сразиться с бесподобным юнцом.

Лорд еще раз обжег глаза своими людьми. Джоакин Ив Ханна никогда не был знатоком человеческой натуры, но сейчас — благословенны будьте, боги! — он верно угадал настроение. Лордские сквайры — азартные молодчики, под стать самому Джоакину, — не имели ни малейшего желания просто быстро умертвить его: это скука. Иное дело — поглядеть на настоящий поединок, увидеть, как их созерцает проучит наглеца. Вот зрелище получше охоты на вепря!

Сир Вомак заколебался. Джоакин сказал:

— Ну же, сир, приступайте! Или вы хотите, чтобы сия история закончилась так же, как Война за Мельницы?

Лицо лорда перекусилось от злости. Он спрыгнул с коня и протянул руку оруженосцу:

— Щит!

Джоакин выхватил клинок из ножен. Схватив щит, сир Вомак шагнул к нему и нанес первый удар. Джоакин парировал, но лорд тут же врезал ему щитом, отбросив назад и едва не сбив с ног. Парень устоял и едва успел поднять меч, как новый рубящий удар обрушился на него. Клинки с лязгом скрестились, Джоакин успел поставить блок, но замер на миг. Сир Вомак повернулся и ударил железным ободом щита прямо в скулу парню. Джоакин отлетел со вскриком, упал. Сквайры разразились смехом. Лорд ринулся к лежащему противнику, занося меч. Джоакин откатился в то мгновение, когда клинок Вомака рубанул дорожную пыль. Вскочил на ноги, исхитрился атаковать — безуспешно. Лорд принял его удар на щит и тут же ответным прямым выпадам вспорол рубаху, рассек кожу на боку. Брызнула кровь, вскрикнула Полли. Джоакин стремительно отступил, кровь текла по его лицу и ребрам.

Хармон сидел в дорожной пыли, босой, в развязанных штанах. Отчаяние как будто вдавило его в грунт, лишая возможности пошеве-

литься. На что надеялся несчастный юнец?.. Рыцарское звание не дается за красивые глаза! Сир Вомак — опытный боец, к тому же защищенный кольчугой и дубовым щитом. Джоакин — считай голый, с одним лишь мечом! Он продержится не больше минуты, потом лорд зарубит его. А после придет черед Хармона-торговца... Встань и беги в рощу! Они не смотрят на тебя, только на поединок... Однако побегать Хармон не мог. Какой там бег — даже подняться на ноги было непосильной задачей! Все, на что ему хватало сил, — это следить за боем. Наверное, так жертва смотрит на топор в руках палача...

Сир Вомак продолжал теснить Джоакина, осыпая ударами клинка и щита. Сквайры подбадривали сюзерена и насмешливым улюлюканьем встречали каждую новую промашку юнца. Уверенный теперь в своем превосходстве, сир Вомак принялся играть на публику. При каждом выпаде он приговаривал:

— Как тебе угощение, юнец? У Трех Ив тебя так угощали? А вот такое пробовал?

Джоакин бился, стиснув зубы. Единственным его преимуществом была скорость: кольчуга частично сковывала движения лорда, Джоакин двигался быстрее. Однако не настолько быстрее, чтобы зайти противнику за спину, а лобовые атаки оказывались не только безуспешны, но и опасны для самого Джоакина: сир Вомак щитом отбивал его клинок и контратаковал в тот миг, пока парень оставался беззащитен. Дважды Джоакин едва успел отпрыгнуть, в третий раз получил рану на плече.

— Ой, бедняжка! — крикнул сир Вомак, сквайры заржали.

Джоакин застонал и пошатнулся. Лорд шагнул на него и замахнулся для рубящего удара. С неожиданной ловкостью Джоакин метнулся в сторону, вражеский клинок рассек воздух. Воин оказался справа от лорда и нацелил меч в его не прикрытый щитом бок. Сир Вомак неукложе взмахнул мечом наискось — не надеясь задеть противника, только отогнать его и выиграть время. Джоакин не отступил и не парировал — он присел. Клинок свистнул над его головой, а в следующий миг прямо перед носом парня оказалась открытая грудь лорда. Джоакин мог бы сделать выпад, и, с божьей помощью, его прямой удар, возможно, пробил бы кольчугу... Но вместо этого молодой воин бросился на врага и прижался к нему, левой рукой вцепился в держащую меч кисть лорда, полуторный клинок Джоакина был бесполезен в такой сцепке, и воин... бросил его! Сквайры лорда загоготали, кто-то даже сострил:

— Хозяин, девчонка хочет с вами станцевать!

Лишь оруженосец смекнул, что к чему, и выкрикнул:

— Кинжал! Берегитесь!

Было поздно. Джоакин выхватил кинжал — тот самый, без очей — и со всего размаху вогнал в бедро сиру Вомаку. Отличная дворянская вещица, благородная сталь! Клинок пронизал кольчугу и ногу лорда,

тот охнул, упал на одно колено. Джоакин вырвал кинжал и полоснул Вомака по правому запястью. Пальцы разжались, лорд остался безоружен. Воин ступил ему за спину и прижал клинок к горлу.

— Благодарю за угощение, добрый сир. Мне оно по вкусу. А вам?

Сквайры стояли, разинув рты. Лишь двое из них подняли копыя, а один взялся было за лук, но Джоакин выкрикнул:

— Стоять! Копья на землю, иначе ваш хозяин простится с жизнью.

Люди Вомака замешкались. Они не отказались бы услышать приказ хозяина, но кинжал был так крепко придавлен к его глотке, что лорд не смог бы раскрыть рта, не пустив самому себе кровь. Его лицо стремительно побелело.

— Вы, господа, находитесь в непрестом положении, — отметил Джоакин. — Сир Вомак истекает кровью, и, если в ближайшее время вы не доставите его к лекарю, ему будет уже не помочь.

Это была правда: из раны на бедре кровь текла пульсирующими толчками, под коленом лорда расплзалась лужа.

— Вам не уйти, — процедил один из сквайров.

— Сиру Вомаку тоже, — подмигнул ему Джоакин. — А может, и еще кого с собой прихватим.

Воспользовавшись общим замешательством, Снайп метнулся к фургону и возвратился с секирой в руках. Когда кто-то из охотников услышал шаги и обернулся, дезертир вышиб копые из его рук и замер, занеся оружие для удара.

— Чего хотите? — спросил оруженосец.

— Для начала отпусти девушку.

Полли оказалась на земле и отбежала к остальным людям Хармона.

— Теперь все оружие — в фургон.

— Что?.. Ты сдурел?

— У вас есть примерно две минуты.

Джоакин указал глазами на кровавую лужу у ног сира Вомака — она росла с пугающей быстротой.

— Делайте... — прохрипел лорд.

Один за другим сквайры пошвыряли копыя и луки к колесам телеги.

— Теперь всем спешиться. Ты, — Джоакин указал на оруженосца, — можешь перевязать своего лорда.

Оруженосец бросился к сиру Вомаку. Джоакин убрал кинжал от горла, но поднял меч и остался рядом с лордом, держа клинок наготове.

— Ты, — воин глянул на другого сквайра, — вместе с оруженосцем отвезешь раненого к лекарю. Остальные привязывают своих коней к фургону и бегут на север, в поле, пока не скроются из виду.

Сквайры переглянулись, потрясенные подобной наглостью. Но теперь воспротивиться было сложно: уже и Доксет, и Вихорь воору-

жились топорами. Сквайры все еще имели преимущество в числе, но из оружия располагали только кинжалами. Вступив сейчас в схватку, они уж точно не выйдут без потерь. В ожидании подсказки они посмотрели на лорда. Сир Вомак был белее снега, в его глазах темнел отчаянный, смертный ужас. Оруженосец крикнул приятелям:

— Тут дела плохи. Не упирайтесь, выполняйте!

Один за другим охотники привязали коней к фургонам и неторопливо, нехотя побрели в поле.

— А ну, пошустрее! — заорал им в спину Снайп. — Или мне взять арбалет?

Когда оруженосец закончил с перевязкой, четверо пеших были уже далеко. От потери крови сир Вомак лишился чувств. Оруженосец вместе с оставшимся сквайром не без труда подняли его в седло, сквайр сел позади, чтобы держать. Оруженосец поймал под уздцы своего коня. Надо отдать должное: этот человек не тратил времени и сил на злобу, угрозы, обещания мести. Единственное, что его сейчас заботило, — спасение жизни сюзерена. Однако Джоакин задержал его:

— Ты помог Полли с одеждой. Дай-ка я помогу тебе взобраться на коня.

И двинул в челюсть рукоятью меча. Оруженосец поднялся, скрипя зубами, сплюнул кровь. Желание вступить в схватку — пусть и с кинжалом против Джоакинова меча — явно читалось на его лице. Однако он сумел сдержаться. Молча вспрыгнул в седло и двинулся в сторону замка. Сквайр, что вез лорда, поехал рядом. Вскоре они скрылись за поворотом дороги.

Никто не строил иллюзий насчет склонности сира Вомака прощать обиды. Было ясно: едва он придет в чувство, тут же отправит людей в погоню. Оставалась надежда на то, что лорд еще долго не очухается или, с божьей помощью, и вовсе помрет. Однако особенно уповать на это не стоило. Сир Вомак — мужчина крепкий, а ранения были кровавыми, но при должном и быстром уходе не слишком опасными.

Обоз повернул назад, в третий раз миновал развалины церкви и самым быстрым ходом, на какой были способны упряжные тяжеловозы, двинулся на север, через знакомый ручей. Эта дорога не вела в Солтаун, давая надежду, что здесь их искать не станут.

Погода помогла Хармону: начался весенний ливень. Снайпу, Вихорию и Доксету, сидевшим на козлах, приходилось несладко, однако верховым преследователям — и подавно. Мало удовольствия скакать в седле сквозь плотную водяную завесу, прозябнув до костей и не видя даже на пять ярдов вперед. К тому же вода превратила дороги в грязное месиво и стерла все следы.

Ливень налетал порывами еще несколько раз, а когда обессилел и совсем утих, стояла уже глубокая ночь. По всей видимости, погоня отстала и сбилась со следа. Путники расположились на ночлег.

Конечно, после схватки центром всеобщего внимания стал Джоакин Ив Ханна. Его осыпали восторгами, вслух припоминали и хвалили все его действия, финты, слова. Доксет раздобыл из какого-то неизвестного даже Хармону тайничка бутылку отменного орджа и налил герою полный кубок. Луизу особенно впечатлило то, как уверенно держался Джоакин, командуя сквайрами, а Вихренка и Сару — то, как воин сказал поверженному лорду: «Благодарю за угощение, добрый сир». Похоже, дети были готовы повторять эту фразу без конца. Стоит ли упоминать о том, с какой нежностью Полли обрабатывала раны Джоакина, приговаривая слова благодарности. Один Снайп хмуро спросил:

— И чего же ты так долго раздумывал? Хотел сперва на Луизины сиськи поглядеть, а потом уж сражаться?

Важно и неторопливо Джоакин пояснил:

— Я-то мог и раньше убить подонка, не сомневайся. Но одно меня останавливало: убей я его — потом закололи бы нас всех. С шестеркой копейщиков мы бы не справились. Вот я и думал, как же выкрутиться, пока не смекнул, что нужно этого Вомака не рубить насмерть, а только ранить. А как надумал, так и сделал.

— Верное решение, — признал Снайп, — молодец. А зачем назвался рыцарем?

— Так ведь он иначе нашел бы зацепку, чтобы от поединка улизнуть. Дескать, ему бы честь не позволила биться с низкородным... Хотя какая там честь!..

— И это верно.

Хармон тоже поблагодарил Джоакина за спасение и обещал дать хорошую награду. Но слова вышли скомканными: недавний ужас все еще сидел в голове и путал мысли.

— А с чего это вы так перепугались, хозяин? — довольно нахально спросил воин. — Давеча в лесу, при встрече с разбойниками, вы так не робели.

— Так ведь то шваль была, голодранцы, а это — лорд с вассалами... — попробовал отговориться Хармон.

— Парень прав, хозяин, — влезла Луиза. — Я тоже прежде не видала, чтобы у вас настолько душа ушла в пятки, хотя мы с вами уже шестой год колесим. Вы словно язык проглотили. Отчего молчали? Отчего не показали графское письмо и грамоту? Граф пускай шейландец, а не путевец, но все важный человек. Глядишь, и отстали бы от нас.

— Видите ли, пороги мои, — хмуро пояснил торговец, — нельзя нам кому попало доказывать грамоту. Она большую ценность имеет, если ее прочтет тот, кому не положено, то захочет себе забрать. И нас порешить может, чтобы мы графу не донесли на него.

— Ага, — пробурчал Снайп. — Мало того что мы помогаем лордам проворачивать их делишки, так еще и с опасностью для себя.

— Торговля — всегда опасность, — отбил Хармон.

— Но не такая! Когда это мы возили товар, за который могут перебить нас всех, даже детишек?

Джоакин был слишком счастлив, а Доксет — слишком навеселе, но остальные уставились на Хармона укоризненно и с подозрением.

— Я же сказал, это ненадолго, — примирительно ответил торговец.

— Сколько еще?

— Ну, первый покупатель — в Солтауне. Двинемся в объезд, недели за две доедем.

— А если первый не купит?

— Тогда второй — в Лабелине, это еще неделя. Третий уже в Короне живет, но до него не должно дойти. Кому-то из первых двух я продам товар. Вы же меня знаете.

— Знаем... — процедил Снайп. — Сколько?

— Я же сказал — наибольшее, три недели.

— Нет, хозяин, денег сколько?

— Ну, как сторгуемся... Эфесов двадцать, может быть, нам достанутся, а остальное — графу.

— Двадцать золотых? Хармон-торговец рискует головой за двадцать золотых? Вы за год тридцать делаете!

Снайп искривил губу, обнажил резцы. Луиза склонила голову набок, внимательно глядя на торговца.

— Ну...

— Двадцать, хозяин?

— Ну... полсотни...

— Да-а-а?..

— Сто. Если сторгуюсь, как надо, выйдет нам прибыли сто золотых эфесов.

— Эх, хозяин... — Снайп сплюнул вбок. — Лорды врут, как собаки. Это не новость. Но вы-то купеческого роду!..

Вмешалась Луиза, будь ей неладно:

— А сколько нам из этих денег достанется?

— Вам? С чего бы? Я вам каждый месяц жалованье плачу, оно не зависит...

— Нас всех чуть не продырявили, вот с чего. Да не забудьте, это я уговорила вас поехать в Излучину и прочесть то письмо, а Джоакин спас вам шкуру и товар.

Хармон понимал: стоит единожды дать слабину — придется потом всякой прибылью с ними делиться. Но какая разница? Один черт эта сделка — последняя.

— По два золотых каждому.

Луиза склонила голову, Снайп сказал: «Пф!..»

— По три. Луизе четыре, Джоакину — пять.

— И детям?

— Детям? Что они сделали?

— Рисковали, как и все.

— Ладно, детям — по эфесу. — Хармон повысил голос, пресекая дальнейший разговор. — И все, довольно! Надоели вы! Ложимся спать. Будете хорошо служить — может, после сделки еще чего добавлю.

Хармон проснулся утром от звуков, что доносились из задней половины фургона. Звуки были весьма характерного свойства. Они ясно давали понять, что Полли с Джоакином сумели уговорить Снайпа уйти спать в телегу к Доксету, а уютную норку между мешками в фургоне оставили за собой.

«Ну и дура! Купилась на хвастовство!» — хотел было подумать Хармон, но подумалось ему другое: «А ты посмотри-ка лучше на себя глазами девушки. Кто ты будешь? Старый трус, скупердяй и обманщик, вот кто». В другое время было бы ему все равно, кто и что о нем думает. Но сейчас, под те самые звуки из-за ширмы, Хармон с досады принялся спорить сам с собой.

Скупость? Это не скупость, а расчет. Даже граф говорил, что расчет во всем нужен, а граф знает жизнь — иначе как бы он управлял семьью городами?..

Ложь? Ну а как тут не соврать? Сказать людям напрямую, что ношу за пазухой сорок тысяч золотых? Ага, конечно! За такой куш сам же Снайп меня прирежет — с него станется!

Трусость? Так ведь не трус я. Все согласны, что не водилось прежде за мной такого. А в этот раз иначе вышло, потому что Предмет. Можно даже сказать, что не столько я за себя боялся, сколько за Него. Помереть и потерять святыню — это все равно как умереть дважды. Даже хуже.

Хм. Так это что же ты, брат Хармон, хочешь сказать? Что Священный Предмет — творение богов — сделал из тебя труса и лжеца? Может ли быть такое, чтобы святыня портила душу человеку?.. Не знаю. Отец Давид — тот знал бы. Что бы он сказал на это?..

За полотняной ширмой и стенкой из ящичков с альмерской посудой сладко постанывала Полли из Ниара. Хармон думал с кислой миной на лице: я прекрасно знаю, что сказал бы отец Давид. Мы с ним говорили когда-то о Священных Предметах, и сказал он вот что: «Предмет — как зеркало: отражает то, что есть в душе обладателя. Если ты славен и благороден, святыня отразит и преумножит твою славу и благородство. Так с Праматерями было. А если ты жаден и труслив, в Предмете жадность и трусость отразятся, многократно увеличенные».

«Нет, — сказал мысленно Хармон, обращаясь не то к себе, не то к святыне, — это не мое отражение, ошибка. Вот увидите: когда получу

деньги, заживу иначе. К слугам буду щедр, с женой — честен. А еще хорошую сумму пожертвую на церковь. Монет сто... нет, даже триста!»

Полли ахнула за перегородкой, Джоакин не то застонал, не то зарычал, девушка ахнула вновь.

«Ага, я буду честным, щедрым, все такое. Праматери будут мной довольны... — завершил свою мысленную речь Хармон-торговец. — Но начну не сейчас, а чуток погодя. Сперва улажу некоторые дела».

СТРЕЛА

12 декабря 1773 года от Сошествия

Фарвей, герцогство Надежда, резиденция великого лорда

— Милорд Эрвин, я... мм... рад, что вы нашли возможность принять мое приглашение. Будьте добрым гостем, разделите мм... мою трапезу.

Эрвин ответил на приветствие, поклонился и сел. Герцог Генри Фарвей, лорд-землеправитель Надежды — худой стареющий мужчина с изрядной проплешиной на темени. Двойной подбородок и брыластые щеки отнюдь не скрашивают его внешность, а дополняет картину мерзкая привычка причмокивать губами перед тем, как начать говорить. Речь лорда Фарвея чем-то похожа на жвачку: каждую фразу он покатает на языке — и лишь затем выцедит сквозь зубы.

Однако Эрвин не заблуждался: этот тип, напоминающий пьянчугу или ростовщика, на самом деле — весьма осторожный, расчетливый и дальновидный политик, возможно, лучший в своем поколении. И его участие необходимо Эрвину. Герцогства Надежда и Альмера занимают самую середину материка. Пока центр империи единоклещен, он обладает огромным влиянием. В силах Надежды с Альмерой, если им заблагорассудится, расколоть государство на три отдельных куска, и, чтобы вновь собрать его воедино, владыке пришлось бы штурмовать дюжину весьма крепких замков, господствующих над дорогами.

Но если удастся склонить Фарвея на свою сторону, разрушить его союз с Альмерой — ситуация изменится в корне. Альмера сама по себе — весьма богатая земля, но не ключевая. Без Надежды герцог Альмера не сможет угрожать венценосному Востоку блокадой и лишится значительной части влияния. Сильный, но отдаленный Ориджин, напротив, приобретет союзника в самом сердце государства — опору для удара в любом направлении.

— Для меня честь быть вашим гостем, лорд Генри.

— Это... мм... взаимное удовольствие, лорд Эрвин. Сын Десмонда Ориджина — желанный гость в любом доме, преданном императору.

Невнятная речь герцога Фарвея изобиловала намеками. «Сын Десмонда Ориджина» — скрытый вопрос: от имени отца действует

Эрвин или по собственной воле? «...Гость в любом доме, преданном императору» — предупреждение о позиции, которую займет лорд Фарвей.

— К сожалению, милорд, — с легкой улыбкой сказал Эрвин, — во мне мало сходства с отцом.

Я не разделяю позицию отца — что вы на это скажете, лорд Генри?

— Это вызывает у меня не столько... мм... сожаление, сколько любопытство, — ответил правитель Надежды. — Не желаете ли вина? Я предпочитаю вина Альмеры — они несколько своеобразны на вкус, но вполне мм... достойны.

Второе предупреждение: лорд Генри предан императору и состоит в союзе с Альмерой. Что ж, это я знал.

— С удовольствием отведаю, милорд. Вы известны как тонкий ценитель вин. Направляясь сюда, я, грешным делом, надеялся отведать вина из ваших погребов и обсудить его вкус.

Прямой речью это звучало бы так: вы, лорд Генри, искушены в политике, потому я и прибыл к вам.

— Хо-хо, я — ценитель вин? Вы льстите, мм... милорд. Я лишь держу несколько виноградников, но и не упускаю случая обзавестись парочкой бочек вина других земель.

Еще бы! Конечно, не упускаете!

Лорд Генри Фарвей получил власть над герцогством восемнадцать лет назад, после Шутовского заговора, уничтожившего Великий дом Лайтхарт. Генри Фарвей употребил все свои силы на то, чтобы восстановить богатство и влияние герцогства. Тогда, после заговора, Корона помышляла о том, чтобы вовсе упразднить герцогство Надежда как таковое, разделить на куски и раздать преданным вассалам. Теперь Надежда воспрянула, крепко встала на ноги, уступала могуществом Альмере и Ориджину, но превзошла Литленд и Южный Путь. Как это удалось Фарвею? Просто: он никогда не упускал своей выгоды. Не было спорной ситуации, в которой Фарвей не продал бы свою лояльность одной из сторон. И не было договора, от которого он получил бы меньше проку, чем новоявленный союзник.

Неожиданно лорд Генри добавил:

— Между прочим, о вас, лорд Эрвин, я также слышал немало.

— И что же? Любопытно узнать.

— Говорят, что вы... мм... никудышный фехтовальщик, ни разу не участвовали в турнирах и, более того, вы, наверное, первый мужчина дома Ориджин, кто к вашим годам еще не обзавелся рыцарским званием.

Иными словами, вы меня ни капли не боитесь. Прекрасно, я и не думал запугивать. Эрвин широко улыбнулся:

— Все — чистая правда, милорд! Каюсь.

Лорд Генри причмокнул губами в ответ. Вероятно, это означало улыбку.

— Еще говорят, лорд Эрвин, что вы — лучший игрок в стратемы на всем Севере.

— О, стратемы — дело нехитрое, — отмахнулся Эрвин. — Просто переставляешь фишки и стараешься собрать их в стаю. У кого стая фишек выйдет больше, тот в итоге и побеждает.

— Метко сказано. Но ведь это не всегда так уж просто, верно?

— Да, лорд Генри. Взять хотя бы нынешнюю ситуацию. Владыка Адриан задумал великое и славное дело, но на его стороне удручающе мало фишек.

Эрвин заметил, как напрягся собеседник.

— Лорд Эрвин, я всей душой поддерживаю... мм... реформы, принимаемые императором! Верю, что они принесут благо всей державе.

— Так же, как и брак императора с блистательной леди Аланис Альмерой?

— Мм... леди Аланис — прекрасный выбор. Сложно вообразить девушку, более достойную короны.

Иными словами, вы считаете, что я устраиваю вам проверку. О нет! Все гораздо интереснее.

— Однако в конечном итоге выбор невесты — личное дело владыки, не так ли?

Брови лорда Генри дернулись вверх. Конечно, он удивлен: ведь ему хорошо известно, что Ориджин — союзник Альмеры, как и Надежда. С чего бы Эрвину говорить хоть слово против Аланис?

— Несомненно, — ответил правитель Надежды, — император... мм... свободен сделать любой выбор. Но я уверен, что он проявит мудрость и заключит брак с достойнейшей из невест.

— Я же уверен, — отчетливо проговорил Эрвин, — что долг лордов — поддержать императора независимо от того, какой выбор он совершит. Вы согласны со мною?

— Мм... — Фарвей потеревил обвислый подбородок. — Владыка Адриан — почитатель альмерского вина, как и я. С чего бы ему делать какой-то иной выбор?

— Владыке Адриану альмерское вино насильно льют прямо в глотку, и, сдаётся мне, он неплохо заплатил бы, чтобы избавиться от радости такого угощения.

— Вам... мм... сдаётся, лорд Эрвин?

— Я вполне уверен в этом, лорд Генри.

Герцог Фарвей брезгливо поморщился, словно в его кубке оказалась ослиная моча. Хороший знак. Он пытается показать, как противно ему предложение Эрвина, а значит, намерен торговаться. Хотел бы отказать — просто отказал бы, не тратя сил на игру.

— И чем же... мм... готов заплатить владыка за свободу выбора? Мм... мне любопытно.

— Лорд Генри, если, к примеру, один верный императору дом располагает двумя искровыми цехами, а другая, соседняя земля имеет лишь один искроцех, то это — явная несправедливость. Владыка готов устранить ее.

— Мм... не ново. Первый советник владыки высказывал такую мысль.

Конечно, Айден Альмера уже обещал Надежде второй искроцех за поддержку в пользу Аланис! Экий благодетель! Последнее десятилетие герцог Альмера отчаянно манипулирует императором, чтобы тот не позволял Надежде строительство плотины. Благодаря этому Альмера неизменно побеждает соседку в торговой войне. А теперь Айден наконец смягчает давление на Адриана, разрешает Надежде обзавестись вторым искроцехом и этим оплачивает лояльность Фарвея.

Тем не менее теперь уговорить Генри Фарвея будет сложнее — искроцех уже обещан ему. Хитрый вельможа не изменит условий договора, пока не получит предложения получше.

Придется ввести в дело второй аргумент.

— Кроме того, — заговорил Эрвин, — император поощряет браки между его вассалами. Супружество скрепляет мир в государстве, упрочивает связи между землями...

— Мм... мудрая политика, — кивнул лорд Генри.

— И как удачно, — добавил Эрвин, — что ваша внучка, юная инфанта Лаура, принадлежит к роду Агаты.

Прочие дети и внуки лорда Генри — потомки Праматери Елены, одна лишь Лаура ведет род от Светлой Агаты. Поэтому намек более чем очевиден.

— Надо полагать, речь идет о браке с потомком Светлой Праматери?

— Надеюсь, инфанте Лауре придется по душе жизнь на Севере. Поверьте: нет на свете места прекраснее, чем Кристальные горы.

Лицо лорда Генри выразило скуку. Конечно, герцог Айден предложил ему не только искроцех. Слишком долго Альмера враждовала с Надеждой, одна плотина не сделала бы их друзьями. Чтобы сгладить вражду, нужен был брачный договор. Герцог Айден, несомненно, уже подыскал жениха для внучки лорда Генри. В столичной библиотеке Эрвин изучал рисунки династического древа Альмера, прикидывал варианты. По его расчетам, Айден мог предложить в мужья инфанте Лауре своего младшего сына — милого семилетнего мальчика без малейших надежд на наследство. Чтобы склонить лорда Генри на свою сторону, Эрвину следовало перебить ставку Айдена Альмеры.

— Север предлагает жениха для моей милой внучки? Мм... любопытно... — заговорил Фарвей без малейшего интереса.

Эрвин кивнул.

— Хэммонд, барон Нижней Долины? — скуучливо предположил лорд Генри.

Эрвин покачал головой.

— Дастин Глория из Айсвинда, троюродный племянник герцога Ориджина?

Эрвин молча поднял глаза к потолку — бери выше. Во взгляде Фарвея появилось любопытство.

— Кайр Норберт Сьюзен Элизабет, наследный граф Флеминг?

Взгляд Эрвина вновь устремился вверх.

— Будущий сын Северной принцессы и графа Шейланда?..

Лорд Генри подался вперед. Эрвин улыбнулся и указал взглядом в потолок.

— Милорд!.. — выдохнул Фарвей. — Вы предлагаете... мм... неужели?

— Я подумывал о женихе несколько более привлекательном.

Тон землеправителя переменялся:

— Моя Лаура — прелестная девочка! Золотистые волосы, большие глаза, тонкая кожа... У нее легкий нрав, она часто смеется и шутит, способна вызвать улыбку даже на самом хмуром лице!

— Охотно верю, лорд Генри.

— И Лаура... мм... отнюдь не глупа. Она быстро читает, легко впитывает любую науку. Хотя ей только двенадцать, ее никак не назовешь наивным ребенком.

— Рад это слышать, лорд Генри.

— К сожалению... мм... лорд Эрвин, древние традиции Надежды не позволяют девицам вступать в брак раньше совершеннолетия.

— Я это знаю. Ничто не помешает отложить брак на четыре года.

— Хорошо, рад слышать это. Вероятно, вы желаете увидеть Лауру, поговорить с нею?

— Я знаком с инфантой. Мы виделись на зимнем балу.

— В любое время, когда пожелаете, вы сможете повидать ее, лорд Эрвин. Лаура прекрасно танцует, поет, у нее чудный голос. Она делает успехи в поэзии, учится рисовать, с девятилетнего возраста упражняется в верховой езде. Однако ее... мм... образование еще не завершено. Как вы полагаете, какие науки могут пригодиться будущей невесте?

— Я придерживаюсь того взгляда, лорд Генри, что ум и эрудиция украшают девушку.

— Несомненно.

— Знания истории, географии, политики, а при возможности и точных наук сделали бы инфанту прекрасной собеседницей и помощницей для будущего супруга.

— Ваши пожелания будут... мм... тщательно учтены.

— Не стоит также отказываться от поэзии и живописи. Моя сестра, леди Иона, пишет стихи, достойные самого искреннего восхищения.

— Она послужит примером для моей внучки.

— А если бы девушка умела играть в стратемы, это придало бы ей исключительное очарование.

— Лаура получит наилучших учителей этой игры.

Эрвин кивнул и поднял кубок. Они выпили за здоровье инфанты.

Лорд Генри осторожно уточнил:

— Верно ли я понял, что мы говорим о... мм... награде за мое преданное служение императору?

— Совершенно правильно. От вас требуется поддержать владыку осенью, при голосовании в Палате, независимо от невесты, которую он выберет летом. Как видите, я ожидаю от вас лишь тех действий, к которым призывает вассальный долг.

— А если владыка Адриан назовет своей избранницей леди Аланис Альмеру...

— ...Вы станете пред нею на колени и поклянетесь в верности. Суть в том, что если Адриан назовет другую невесту, то ваши действия будут точно такими же.

Генри Фарвей поднес к губам кубок.

— Я хочу напомнить... мм... лорд Эрвин, что мы с вами пьем альмерское вино. Оно может забродить в желудках, если наши голоса окажутся не на стороне леди Аланис.

— Наши голоса будут на стороне императора, и едва ли кто-то сможет обвинить нас в этом. А если леди Аланис не сумеет вызвать в сердце государя теплых чувств, наша ли будет в том вина или ее собственная?

— Вы говорите верно, но альмерское вино бывает весьма... мм... хмельным. Оно может ударить в голову и толкнуть на безрассудные действия... к примеру, лишит императора поддержки в Палате Представителей до тех пор, пока он не изменит выбора в пользу леди Аланис...

— Трезвый человек назвал бы такие действия шантажом. Если хмельное вино побуждает вассала шантажировать собственного господина, то лучшее, что может сделать вассал, — это сунуть два пальца в рот и очистить свой желудок. А затем перейти на напитки покрепче, вроде орджа или нортвудского ханти. Они бывают горьки, но никогда не вызывают рвоты.

Как и в беседе с архиепископом, Эрвин оставил решающий аргумент напоследок. Встать на сторону герцога Альмеры, пытающегося давить на владыку, — означает пойти на конфликт с императором и двумя могучими северными землями. Союз с Эрвином обещает лорду Генри не меньше выгод, но таит значительно меньше опасностей.

Лорд Генри Фарвей потер подбородок.

— Слухи не врут, милорд. Вы... мм... хороший игрок в стратемы. Считайте, что получили еще одну фишку.

*Конец мая 1774 года от Сошествия
Река (около 380 миль от границы империи Полари)*

— Стреляйте, мой лорд! Стреляйте! Уйдет же!..

Эрвин София очнулся от размышлений. В тридцати шагах от него стоял олень — грациозный красавец со светлыми подпалинами на шее.

В четвертый уже раз Эрвин ходил на охоту вместе с Кидом и Томми. До сих пор он не встретил ни кабана, ни косули, ни даже зайца. Если бы владыка провел турнир на звание худшего охотника империи, Эрвин без труда завоевал бы первый приз. Он распугивал дичь всеми доступными способами: хрустел ветками, наступал на шишки, говорил редко, но всегда невпопад, а если замечал в чаще какое-то движение и принимался взводить тетиву, то арбалет непременно издавал пронзительный скрип, от которого и мертвец вздрогнул бы. Кид говорил: «Возьмите лучше лук, мой лорд! Он тише и быстрее». Да уж. Эрвин кое-как справлялся с арбалетом и, случалось, даже поражал мишень. Но стрелой из лука он вряд ли попал бы в рельсовый тягач, стоящий на месте! Кид говорил: «От вас пахнет, мой лорд... Чем-то таким странным... мылом, что ли? Дичь издалека запах чует». На вопрос, что же делать с этим, Кид посоветовал измазать одежду оленьим навозом. Эрвин в изысканных выражениях отказался. Кид говорил: «Учитесь ходить тише, мой лорд». Эрвин спрашивал: «Как это — тише?» Охотник пояснял: «Смотрите, куда ногу ставите. Сушняк, валежник, шишки хрустят, когда на них становишься». Отличная мысль, да только в лесу повсюду или шишки, или валежник, а летать Эрвин пока еще не обучился. В качестве крайней меры Кид предложил вовсе не ходить, а лечь в засаду у ручья: рано или поздно зверье придет на водопой. Они проторчали в кустах несколько часов, и самым крупным зверем, которого подстерег лорд Ориджин, оказалась зеленая гусеница. Томми уснул и принялся громко храпеть, его клокочущий рык ни капли не смутил охотника. Храп, мол, — натуральный звук, он не пугает дичь. Но как только Эрвин пытался пошевелиться чтобы размять затекшее тело, под ним непременно ломалась какая-нибудь веточка, и Кид болезненно морщился. «Вы громко лежите, мой лорд... Все зверье переполошили!»

Охота — дело сложное, со вздохом думал Эрвин. А всякую непростую учебу следует начинать с малого. Вернусь в Первую Зиму — пойду охотиться на овец. Их в долине полным-полно. Переоденусь пастухом, чтобы усыпить их бдительность, возьму для маскировки дудочку, ведь овцы — хитрые бестии, их так просто не проведешь. Подкрадусь поближе, а потом вскину арбалет — хлоп! И вот первый охотничий трофей у меня в руках! Впрочем, попасть в овцу не так уж легко — мелкая, верткая тварь. Выследить бы корову... желательно привязанную.

Лежа в засаде и изнемогая от скуки, Эрвин проваливался в воспоминания о столице и своей дипломатической игре, развлекал себя, мысленно переставляя на доске политические фигуры. Дело шло к закату, и он уж не надеялся встретить никого крупнее гусеницы, как вдруг Кид ткнул его в бок:

— Стреляйте, мой лорд!

Олень склонился к ручью прямо на виду у людей как ни в чем не бывало. Или не заметил их, или заметил, но не счел достойными внимания. Может, олень решил, что люди спят — ведь Томми храпел за троих.

Эрвин приподнялся на локтях, наводя арбалет. Что-то шурхнуло под рукой, олень встрепенулся. Эрвин выстрелил. Болт ушел ниже и правее головы, пробил шею навывлет по краю. Олень заревел и ускакал, кровь текла по его загривку. Кид выпустил ему вслед две стрелы, но лишь ранил в ляжку. Вскоре зверь скрылся из виду.

Эрвин сказал в сердцах:

— К Темному Идо такую охоту! Лучше бы вовсе не стрелял!

— Не так уж плохо, мой лорд! Вы ведь попали, даже в шею.

— В том и беда. Мне жаль этого оленя.

— Так ведь мы собирались убить его, мой лорд.

— Да, но мгновенно. А теперь он будет долго умирать от раны.

— Он не умрет, — ответил Кид. — Рана не смертельна, вы не перебили горло.

— Она загноится, и зверь умрет от гнилой крови. Я видел, как такое случается с воинами.

— Не умрет, мой лорд, — повторил Кид.

Встал, побродил вокруг, разыскивая что-то, затем нагнулся и выдернул пучок травы. В Первой Зиме такой травы Эрвин не видал: мясистые стебли с крохотными пупырышками, продолговатые полусвернутые листья, темные сверху и почти белые снизу.

— Это змей-трава, мой лорд. Вот попробуйте.

Кид несколько раз переломил стебли, сжал пучок, и на сломках выступили росинки сока. Охотник протянул их Эрвину, и тот лизнул сок кончиком языка. Вкус был горько-пекучим, язык обожгло.

— Гадость какая!

— Это яд, — бесхитростно заявил Кид.

Эрвин быстро сплюнул.

— Ты умом тронулся?

— Капля безвредна, мой лорд. Чтобы умереть, нужно больше. Здоровые звери не едят змей-траву, но раненые разыскивают ее и жуют. Не только олени, а даже и волки. Сок змей-травы убивает гниль в крови, и раны заживают быстрее.

— Ты же говорил, от нее можно умереть?

— Можно, если съешь лишнее. А если в меру — то выживешь.

— Откуда олени знают меру?

● Выжить нельзя
умереть ●

СТРЕЛА

*Июнь 1774 года от Сошествия
Восточнее Реки, окрестности ложа XVIII Дара Богов*

Когда очнулся, был вечер и хотелось есть. Точней, иначе: мысль о еде не вызвала отвращения. Хороший признак.

Эрвин вернулся в землянку, вытащил припасы из мешка. Лисы даже не успели растащить их, пока он валялся без чувств. Видимо, был вечер того же дня. Пожевал вяленины с луковой лепешкой, запил водой. Потом осторожно ощупал рану. Боль тут же взорвалась под пальцами. Опухоль была столь же горячей, как прежде. И лишь на волосок меньше.

Нет, нет, не говорите, что придется повторить этот ужас!

Он, конечно, знал ответ. Только Священный Предмет мог бы исцелить ранение мгновенно. Змей-трава — не святыня, а всего лишь яд. Нужно применять зелье вновь и вновь, пока хворь не отступит. За день рана опять наполнилась гноем. От него следует избавиться, лишь затем влить зелье. Для этого нужен кинжал. Все как в прошлый раз, с тем лишь отличием, что теперь не придется резать кожу.

Наверное, во второй раз будет легче, убеждал себя Эрвин, ковыляя к зарослям травы и срезая пучки, растирая в миске, делая глоток сока. Он ошибся: было хуже. Теперь тело знало, чего ожидать. Пальцы не гнулись, нож выпадал из рук. Сердце замирало и отказывалось биться. А боль оказалась намного сильнее.

В третий раз — еще сильнее.

В четвертый — еще.

Боль начиналась, едва он заносил нож над раной. Когда протирал клинок орджем перед процедурой. Когда лишь брал его в руку. Когда делал глоток зелья. Оно выжигало нутро расплавленным свинцом — милость в сравнении с тем, что последует дальше. Рана стонала уже тогда, когда он клал в рот последний кусочек лепешки, перед тем как идти за змей-травой. Даже когда просыпался, чувствуя голод и зная, что сейчас развяжет мешок и поест, а дальше возьмет нож и срежет траву, а дальше...

Тело устало от боли, хотелось рыдать и выть. Почему? Сколько еще? Ради всех святых, сколько?!

Рана, прежде ровная, приняла форму лучистой звезды: при поворотах нож иссек ее края. Она кровоточила почти постоянно, и чем больше спадала опухоль — тем сильнее. После лечения следовало бы всякий раз перевязывать ее... и всякий раз Эрвин терял сознание, когда обжигающий яд вливался в дыру под ключицей. Приходил в себя, став на полпинты крови слабее. Потом — еще...

Силы испарялись. Лепешки и мясо не могли восстановить их. Вместе с силами уходила воля.

— Я выживу, чтобы увидеть сестру, — говорил себе Эрвин, и колдовство не действовало.

Он безо всяких колебаний отдал бы жизнь за Иону. Только — быстро. Удар копыя или меча — это даже не смерть, а награда. Но не так, как сейчас! Не крохотными кусочками, не дюйм за дюймом!

— Я выживу и вернусь в Первую Зиму, — шептал Эрвин, уговаривая руку согнуться и ввести клинок. — Назло отцу. Ведь он сдурееет от удивления! Я один вернулся: не кайры, а я — вот потеха!

Кинжал. Поворот. Яд. Багровая тьма...

— Я выживу и увижу Иону. Я выживу и вернусь домой, — говорил в следующий раз, твердо зная, что не хочет ни того, ни другого. В теле оставалось сил на одно желание: умереть быстро.

Ордж, наверное, мог бы помочь, притупить чувство... но его мало, и он нужен клинку. Грязь, попавшая с ножа в рану, сведет на нет весь эффект зелья. Эрвин берег ордж и брался за кинжал в мучительно трезвом сознании.

— Я все-таки выживу, сожри меня тьма, — шептал он свое заклятие, свою магическую формулу, божественную фразу. Рука с кинжалом — Священный Предмет. Чтобы она пришла в движение, нужно сказать правильные слова. — Я увижу Иону. Я увижу мать. Я вернусь домой. Назло всем! Назло себе самому, будь я проклят!

Кинжал. Проворот. Яд.

Боги, до чего же!..

Потом левая рука отказалась служить. Прежде ему удавалось сжать ее в кулак и взять кисточку. Теперь — все, пальцы попросту не слушались. Правой рукой он вложил кинжал в левую и согнул пальцы на рукояти, привязал нож к ладони. Правой же нужно будет ввести клинок в рану. Левая послужит только рычагом, чтобы удержать нож, пока правая схватит кисть и нанесет зелье. Все действие занимало раза в два больше времени, чем прежде.

— Я выживу. Вернусь в Первую Зиму. Увижу сестру и мать. Отомщу за мой отряд. Я выживу!

Удар. Неудачный, неловкий. Второй удар, поворот. Правая рука тянется за соком, левая падает, нож выскальзывает из раны.

— Сколько еще нужно?.. Сколько вообще можно вытерпеть?.. Скоро ли край?.. — шепчет Эрвин, чувствуя слезы на щеках и губах. Вместе со слезами столь же соленая ярость наполняет рот. — Но я выживу! Отомщу всем! И Луису, и тому, кто его послал, и тем, кто убил моих людей. Всем вам, мрази, нелюди! Отомщу каждому из вас! За Теобарта и Томми, за кайров и греев, за Дождя и Леоканту. Проклятые твари, вы сполна расплатитесь за то, что мне приходится делать это с собою!

Удар кинжала. Поворот плеча-рычага. Задержать клинок под углом. Схватить миску. Влить сок в раскрытую рану. Ощутить, как яд прожигает дыру в груди. Дело сделано.

Я выживу.

Багровая тьма.

Императорский чайный салон — уютнейшее место во всем дворце Пера и Меча.

Роскошная, но небольшая лоджия. Стены — мозаика из малахита и янтаря, потолок — причудливый узор лепнины, оплетающий центральную фреску. Овальные окна выходят в вишневый сад. Сейчас он покрыт снегом, ветви костлявы и пушисты одновременно. Камин потрескивает огнем. Сквозь слуховые отдушины стены доносится кладезная музыка.

Быть приглашенным на чаепитие в лоджии — знак особого доверия его величества. Огромная честь даже для землеправителей и императорских советников. А уж для секунд-вассала владыки, каковым является молодой лорд Ориджин... Два года назад, когда Эрвин впервые побывал здесь, он так по-щенячьи гордился собою! Целый следующий вечер терзал слух своей тогдашней пассии Сюзанны рассказами о чаепитии. Стыдно вспомнить... Сейчас все иначе. Изящество места, избранность круга — теперь только фон. Есть дело, и важно лишь оно. Имеет значение лишь то, что будет сказано.

Его величество Адриан Ингрид Элизабет держит чашку всей ладонью — как пиалу. Он одет в белоснежную рубаху с черным бантом на шее и синий бархатный халат, пышные темные волосы перехвачены золотым обручем. На столе перед владыкой апельсин, нарезанный тонкими ломтиками, и крохотное пирожное — император не любит сладкого.

По правую руку от Адриана — генерал Уильям Дейви. Прекрасно, что он здесь. Из всех императорских советников и приближенных лишь сира Уильяма Эрвин рискнул бы назвать своим другом. К сожалению, когда Эрвин вошел, генерал встал ему навстречу, пожал руку и даже хлопнул по плечу. Тем самым он показал свое расположение к северянину, теперь любые слова генерала в поддержку Эрвина будут критически расценены владыкой.

По левую руку — леди Катрин Катрин из Шиммери. Собственно, она не шиммерийка — смуглая кожа, миндалевидные глаза, стройное тело западницы. И не очень-то леди — Катрин не приходится потомком никому из Праматерей. Родилась в Холливеле, была продана на Юг, служила альтессой шиммерийскому купцу, потом — градоначальнику, потом — принцу... Ныне Катрин Катрин — советница императора по светским интригам. Умна как черт и знает все хитросплетения столичных любовных связей, симпатий и интересов не хуже, чем паук — собственную паутину. Это скверно. Еще хуже — то, что она терпеть не может Эрвина, как, впрочем, и он ее. Хорошо — то, что Катрин Катрин предана императору.

Эрвин сидит напротив владыки. Лакей наполняет его чашку душистой жидкостью с запахом вишни и жасмина. Ставит блюдце с пирожным: поверх сливочного крема белеет виноградинка.

— Ваше величество, — говорит Эрвин, — я благодарен вам за приглашение.

— Чай безвкусен без интересной беседы, — отвечает Адриан. — А вы — прекрасный собеседник, лорд Эрвин.

Катрин Катрин не скрывает скептической ухмылки. Генерал Дейви с наслаждением жует пирог.

— Позвольте ли мне предложить тему, ваше величество?

— К нашему общему удовольствию.

— Меня всегда беспокоил вопрос, — непринужденно говорит северянин, — в какой мере следует смешивать любовь и политику. Мы полагаем политические браки естественными и полезными, однако обходим вниманием один нюанс. Политика переменчива и сиюминутна: тот умер, этот унаследовал власть, те земли вступили в союз, эти повздорили... Политическая ситуация может меняться каждый месяц, в то время как брак и любовь остаются с нами на долгие годы. Политический брак вынуждает нас связывать нечто сиюминутное с чем-то другим — вечным. Правильно ли это?

Адриан лукаво усмехается, украсив щеки янмэйскими ямочками:

— А вы — романтик, лорд Эрвин. Не ждал услышать из ваших уст слова о вечной любви.

— Кто романтик? — фыркает сир Уильям. — Эта северная ледышка?! Не верьте, ваше величество. Он может одним взглядом заморозить любую девушку.

— Благодарю, что вступились за мою репутацию, — усмехается Эрвин. — Вы правы, сир Уильям, дело не в романтизме. Брак навязывает нам некоторую политику, сковывает с тем или иным домом, диктует определенные решения. Но тот союз, что выгоден сейчас, может оказаться обременителен завтра. Ситуация меняется... а брак остается и сковывает наши действия.

Император прищуривается с любопытством.

— Лорд Эрвин, вы — мастер иносказаний. Но сейчас зима, а зимою хочется прямоты. Скажите напрямик: к чему ведете?

— Воля вашего величества. Я говорю о леди Аланис Альмере.

Катрин Катрин мечет искоса острый взгляд. Она мгновенно поняла, куда дует ветер, и насторожилась. Хваткая собачка.

— О леди Аланис, — говорит владыка, — и моем браке с нею, который в будущем повредит интересам Короны. Правильно я понял вас, лорд Эрвин?

— Да, ваше величество.

— Как вы знаете, я еще не сделал выбора в пользу леди Аланис.

— Конечно, ваше величество.

Катрин Катрин вставляет замечание:

— Лорд Ориджин считает, ваше величество, что знает наперед все ваши решения. По его мнению, вас легко предугадать. А при необходимости и подергать за ниточки.

— Ваше величество, — говорит Эрвин, игнорируя выпад, — я знаю, что выбор не сделан. Лишь высказываю надежду, что он не будет в пользу леди Аланис.

Император не спешит отвечать. Катрин Катрин вворачивает, пользуясь паузой:

— Отчего же? Агатовцы перегрызлись меж собою? Как мило!

— Агатовцы служат интересам Янмэй, ваше величество.

— Ах, милый лорд Эрвин, вы так добры! И в чем же интерес Янмэй, который вы видите насквозь?

Перепадка с этой смуглой дрянью — последнее, что нужно Эрвину. Он скатится до грызни с собачками, а владыка будет лишь наблюдать свысока. Нет, это скверно, надо иначе. Эрвин нарочито игнорирует женщину и обращается к Адриану:

— Ваше величество, спустя год сложится следующая ситуация. Императрица — прекрасная леди, весьма популярная среди высшей знати, амбициозная и волевая. Ее отец — первый советник Короны и заодно правитель богатейшей земли. Его брат — глава Праотеческой Церкви. Сложно представить себе суммарное могущество этой троицы. А Корона тем временем проводит в жизнь реформы, весьма непопулярные среди Великих Домов. Находит ли Корона безопасным подобное положение?

Адриан молчит с лукавой усмешкой. Молчит и сир Уильям — он не силен в острословии. Катрин Катрин вкрадчиво мурылчет:

— Я вот все жду, лорд Эрвин, когда вы предложите в жены владыке вашу прелестную сестричку.

— Владыка вряд ли нуждается в советах свахи.

— Именно потому вы отговариваете его от брака с леди Аланис. Исключительно в интересах Короны, верно?

Катрин Катрин улыбается, заметив проблеск злости на лице Эрвина. Тогда Ориджин говорит то, чего никто от него не ждет:

— Вы правы, любезная леди Катрин, меня не заботят интересы Короны. Я действую в интересах дома Ориджин и ряда его союзников. — Он делает паузу, бросает в рот виноградинку, дарит женщине ответную улыбку. — В интересах дома Фарвей-Надежда получить лен и имперскую ссуду на строительство искроцеха. В интересах дома Литленд — контроль над четырьмя нижними бродами через реку Холливел. Дом Нортвуд желает иметь в субленном владении одну из бухт порта Уиндли, а его светлость Галлард Альмера — сохранить мантию приарха, несмотря на свои едкие замечания в адрес Короны.

— А Великий дом Ориджин?.. — спрашивает его величество.

— Будет счастлив получить порт Уиндли со всеми кораблями Первой Морской гильдии Южного Пути, а также расквартировать в Землях Короны восемь кайровских батальонов, получив достойную оплату за их услуги. Великий Дом Ориджин также полагает, что во всем подлунном мире не найти более благородной девушки, чем леди Иона София Джессика, и будет счастлив видеть корону императрицы на ее челе. Однако полагает, что выбор императора — исключительно его личное дело, и не смеет давать советы.

Катрин Катрин не находится с ответом, от удивления тонкие брови ползут на лоб. Сир Уильям замирает, недонеся до рта вилку, и ошарашенно бурчит:

— Ты свихнулся, Ориджин?..

Однако тот, кому предназначалась речь, удовлетворенно кивает:

— Это именно та степень прямоты, какой мне хотелось, лорд Эрвин. Благодарю вас. Дом Ориджин — значительная сила, и, признаюсь, меня тревожило, что позиция этой силы неясна. Однако, — на щеках владыки проступают ямочки, — вы уж простите, но я — потомок Янмэй. Волей-неволей приходится заботиться о ее интересах, при всем моем уважении к Светлой Агате... Не скажете ли, что получит Корона от вашего удивительного предложения?

— Корона получит успех реформ, полный контроль над государством и, как милый довесок, свободу выбора спутницы жизни.

— Ваши утверждения требуют пояснений.

— Названные мною Великие дома обладают такой военной силой и расположены таким образом, что сделают невозможным любой васальный мятеж. Шиммери, Южный Путь, Альмера, Шейланд — какая бы земля ни попыталась воспротивиться воле вашего величества, она будет немедленно атакована по меньшей мере с двух сторон, сушей и морем. А присутствие ударных сил Ориджинов в Земле Короны послужит ясным предупреждением и удержит многих от... необдуманных поступков.

— Это верно, ваше величество, — говорит сир Уильям, быстро осознавший всю выгоду идеи. — Наши искровики — крепкие ребята, но за ними нет и половины той кровавой славы, что тянется за кайрами. Мы-то можем подавить любое восстание... Но чертовы северяне способны всех напугать так, что восстания не будет вовсе.

— Кроме того, ваше величество сможет отложить брак и не связывать себя с каким бы то ни было домом до тех пор, пока реформы не наберут ход. Никто не получит в свои руки лишнего влияния в то время, когда Корона находится в уязвимом положении. А поддержка со стороны Церкви обеспечит реформам благословение богов и содействие простого люда.

— И ваш союз, лорд Эрвин, проголосует за реформы в сентябрьской Палате?

— Да, ваше величество.

— Не настаивая на скорейшей помолвке?

— Нет, ваше величество.

— Леди Ребекка из Литленда?

— Дом Литленд осознает ее недостатки как невесты.

— Ваша сестра?

— Вы осчастливите весь Север, выбрав ее. Но мы поддержим реформы в любом случае.

Адриан пьет чай мелкими глотками, давая себе время поразмыслить. Катрин Катрин спрашивает:

— Прошу вас, милый лорд, повторите: чем должна будет расплатиться Корона за вашу щедрость? Четыре переправы, искровый цех, крупный морской порт, вагон золота для кайров, конфликт с Южным Путем, конфликт с вольными западными графствами... Я ничего не забыла?

— Все верно, любезная леди Катрин. Короне нужно будет сделать следующее. Во-первых, не делать ничего, когда Литленды займут переправы. Во-вторых, не делать ничего, пока войска Ориджинов и Нортвудов захватывают порт Уиндли. В-третьих, дать денег Надежде на искровый цех... которые скоро вернутся в казну Короны, ведь искроцех будет обложен налогом по закону о реформах. В-четвертых, оплатить размещение кайров в столичных землях — и эти деньги также вернутся благодаря налогу с герцогства Ориджин. Вы полностью правы, леди Катрин: возникнет конфликт с Южным Путем и западными землями. Но он возникнет при любом ходе событий, если только его величество не обручится с Валери Грейсенд.

К великому удовольствию Эрвина, император едва заметно морщится при последнем имени.

Генерал Дейви говорит:

— Пожалуй, Ориджин прав. Вельможи Южного Пути прибегут к нам с мольбой и проголосуют за что угодно, как только первый севе-

рянин с мечом перейдет их границу. А западники возмутятся, когда герцог Литленд возьмет себе переправы, но западники в любом случае окрысятся против реформ. Они до сих пор молятся коню и быку — какие к чертям рельсовые дороги?

— Герцог Айден Альмера... — медленно произносит император.

— ...Очень и очень расстроится, однако будет вынужден смириться, если захочет сохранить звание первого советника Короны. Вряд ли советник сможет протестовать против плана, который несет Короне очевидную выгоду.

— Я имею в виду, — с расстановкой чеканит владыка, — что герцог Айден Альмера также предложил план, ведущий к безоговорочному успеху реформ.

— И включающий брак вашего величества с леди Аланис, — дополняет Эрвин.

Наступившее молчание — хороший признак. Катрин Катрин не спешит защищать Аланис — в кои-то веки она согласна с Эрвином. Его величество также не возражает, но колеблется — взгляд чуть в сторону и вниз. Эрвин добавляет:

— Не в силах Айдена Альмеры помешать предложенному мною плану.

— Следует понимать это так, что вы в силах разрушить его планы?

Вот тут Эрвин совершает ошибку. Крохотную, не сразу им самим замеченную. Стоило ответить мягко — нечто о верности владыке и нежелании раздоров. Уже довольно прозвучало жестких фраз для одной беседы. Но Эрвин, окрыленный стремительным успехом, роняет слово — весьма и весьма значительное:

— Надежда.

Он хорошо знает, что Айден козырял перед императором своим союзом с Надеждой. Слово Эрвина означает: Надежда верна мне, а не Айдену. Я могу разрушить айденовскую коалицию, он мою — нет. Весомый довод, показатель влияния... но существует точка зрения, с которой слово Эрвина напоминает угрозу.

Адриан бросает взгляд на Катрин Катрин, и та чуть заметно кивает. Чертовке откуда-то уже известен тайный брачный договор Ориджина с герцогом Надежды.

— Ваш план хорошо подготовлен, лорд Эрвин, — с нотой уважения произносит император. — Что думает о нем ваш лорд-отец?

Лгать императору — скверная идея. Тем более что слова легко проверить: от Фаунтерры до Лабелина двое суток поездом, от Лабелина до Первой Зимы — сутки голубиною полета.

— Отец пока не знает. Я действовал на свое усмотрение, а не по его слову. Я уверен: если вашему величеству план придется по душе, герцог Десмонд также охотно поддержит его.

Владыка Адриан кивает и произносит мягко, без тени нажима:

— Я желал бы услышать подтверждение от самого герцога Десмонда.

— Непременно сообщу ему об этом, ваше величество, — кивает Эрвин.

Его величество вспоминает о лакомстве, стоящем на столе. Скусывает мякоть с дольки апельсина, приятным светским тоном говорит:

— Пришелся ли вам по нраву зимний бал?

— Он был прекрасен, ваше величество, — отвечает Эрвин и кладет в рот первый кусочек кремового пирожного.

В лужицах на полу извивались жирные дождевые черви.

Розовые, скользкие. Растягивались и сокращались, скручивались в петельки. Наползали друг на друга, кишели. Какая мерзость!

Запасы пищи исчерпались вчера. Точнее, вчерашний завтрак состоял из одного — последнего — сухаря. Эрвин сгрыз его и запил соком змей-травы. Вспышка боли заглушила чувство голода. Позже — вечером — очнулся от забытья и понял, что сил хватит на что-то одно: поиски еды или медицинскую пытку. Эрвин выбрал последнее: от голода не умрешь за сутки, от гнилой крови — легко.

Но теперь откладывать вопрос пропитания было нельзя. Желудок сводило спазмом, кишки скручивались в узел, как дождевые черви. А хуже другое: Эрвин слаб, как младенец. Борьба с хворью вымывала и выжигала силы. Рана становилась лучше: опухоль уменьшилась, лихорадка слабела с каждым днем. Но сражение давалось слишком тяжело: сквозь кожу проступили ребра, без того тонкие пальцы стали похожи на косточки скелета. Змей-трава помогает, но если срочно не найти пищу, то попросту не хватит сил на выздоровление. Добыть ее нужно сейчас: еще день — и он не сможет сдвинуться с места.

Эрвин София Джессика глядел на дождевых червей. Один конец червя тупее и темнее другого, примерно посередине тела — утолщение. Тупой конец тычется в стороны, щупает. Острый только извивается — это вроде как хвост. Говорят, если разрезать червя надвое, каждая половина продолжит жить. Нет ни головы, ни сердца — ничего жизненно важного. Если откусить кусок червя, он продолжит извиваться во рту, пока не будет пережеван в кашу...

Несмотря на пустой желудок, Эрвина чуть не вывернуло наизнанку. Он отвел взгляд от лужи и сказал вслух:

— Как наследный герцог Ориджин, я ставлю перед собой амбициозную цель: выжить и не жрать червей. Кто-то сказал бы, что это фантастично или вовсе не выполнимо. Многие назвали бы меня наивным мечтателем. Но величие стратега определяется размахом его планов,

верно? И вот мой план: я выживу и обойдусь без червей в своем рационе!

Подлинный размах своего стратегического замысла Эрвин осознал сразу же: короткий монолог утомил его, словно забег в четверть мили. Понадобилось несколько минут, чтобы отдышаться. А предстояло следующее: подняться, взвести арбалет, выйти в лес, отыскать дичь, выстрелить и попасть.

Пункт первый удался частично: подняться на ноги не вышло, но Эрвин почти успешно сполз с лежанки, ляпнулся на пол, едва не придавив нескольких успешных колючатых тварей, встал на четвереньки и докарабкался до выхода.

Пункт второй вызвал сложности: левая рука по-прежнему играла роль мятежного вассала и выполняла только часть приказов лорда. Она охотно соглашалась сгибаться в локте, в плече двигалась слабо, огрызаясь острой болью под ключицей, а кисть и пальцы вели себя вовсе не предсказуемо. Миссию «снаряжение арбалета» пришлось поручить тем частям тела, что еще хранили верность: правой руке и ногам. Зажав оружие бедрами, он принялся крутить колесико. При всяком неловком движении арбалет выскакивал из захвата, и усилия пропадали впустую. Обыкновенно при этом Эрвин еще получал удар прикладом в грудь, от которого рана не выла, но весьма ощутимо поскуливала. Кто бы мог подумать, что держать оружие ногами — полезный для жизни навык! Когда наконец тетива защелкнулась в замок, а болт лег в канавку, Эрвин выбрался на улицу.

Третий пункт плана: отыскать дичь. Ничего сложного! Дождь утих, светило солнце, пичуги щебетали повсюду, заходились трелями, пытаясь перекричать друг друга. В поле зрения попала и парочка белок: одна огненно-рыжая, другая — с серебристой подпалиной. Рыжая сидела на ветке ближайшей сосны и что-то грызла, стремительно вращая в лапках.

Остался четвертый пункт — ха-ха! Эрвин поднял арбалет. Ну, поднял — сильное слово. Правая рука потащила оружие к плечу, и оно оказалось тяжеленным, как полный рыцарский доспех, как годовалый хряк. Попытался помочь левой — она годилась лишь как хилая подпорка. Кое-как приладил приклад к плечу, глянул вдоль ложа. Арбалет шатался и трясся, на прицеле оказывалась сосна, поляна, кусок неба меж ветвей, кусты папоротника... Эрвин опустил оружие и сделал передышку, дождался, пока дыхание выровняется, собрался с силами. Поднял арбалет. Усилие, требуемое, чтобы взять оружие на изготовку, оказывалось на грани возможностей. Перед глазами тут же вспыхивали красные круги, а руки дрожали, как листья на ветру. Белка никуда не спешила, деловито грызла свой орех, прицокивая зубками. Она чувствовала себя в полной безопасности.

Даже будь она размером с корову, и то Эрвин вряд ли смог бы взять ее на прицел.

Однако белка ела орех! Вряд ли ей доставили его из графства Нортвуд!

В круге видимости было несколько кустов. Эрвин понятия не имел, как выглядит куст лесных орехов. Когда-то Колемон показывал ему, и лорд не обратил внимания, сделав из вежливости вид, будто слушает.

— Я совершу эксплорату, — сказал себе Эрвин. — Вновь открытые месторождения лещины будут присоединены к владениям дома Ориджин.

Маршрут таков. Ярдов пятнадцать до ближайшего куста, затем десять — до следующего, еще пятнадцать — до третьего и десять — от третьего куста до полянки со змей-травой. Пятьдесят ярдов — это на грани человеческих возможностей. Почти как плавание Крейга-Морехода вокруг всего Поляриса из Уиндли в Беломорье. Вернуться в землянку точно не удастся, так что миску, нож, кисточку и ордж лучше взять с собою. И арбалет — мало ли кто встретится в столь долгом путешествии! Упаковав предметы в мешок и закинув его на спину вместе оружием, Эрвин двинулся в путь.

Расстояние до ближнего куста он преодолел с двумя передышками. Встав на колени, тщательно осмотрел ветви. Ничего похожего на орехи! Лишь колючки да очень мелкие черные ягоды, горькие на вкус. Эрвин вовремя заподозрил, что ягоды ядовиты.

На пути ко второму кусту встретилось неожиданное препятствие: упавшее дерево. Тут не помешала бы осадная башня или рота военных инженеров, чтобы навести временный мост... Кое-как Эрвин справился с преградой — взобрался на ствол, будто на крепостной вал, и скатился на другую сторону.

Второй куст был начисто лишен плодов. Эрвин глядел на него, бессильно переводя дух, и вдруг вспомнил такое, от чего покрылся холодным потом. Лещина не плодоносит в июне! В августе или сентябре, но не в начале лета. Орехов не будет. Придется вернуться в землянку и...

При мысли о червях Эрвина стошнило желудочным соком. В голове немного прояснилось, и он подумал: белка. Рыжий зверек ел орех — откуда взял? Сохранил в дупле с прошлой осени? Да ладно! Это же дупло, а не погреб! Чтобы хватило аж до июня, сколько орехов нужно запихнуть в дупло — мешок?..

Эрвин пополз к третьему кусту. Эрвин почти не помнил рассказов Колемона о флоре Запределья. Однако помнил, чего не было в этих рассказах: слова «лещина». Запредельные орехи зовутся как-то иначе... Может, они и растут в другое время?

Десяток ярдов до куста он преодолевал так медленно, что мог в дороге помолиться всем Праматерям по очереди. Взамен Эрвин считал в уме. Он сумел сколотить союз лордов — это успех. Отец услад его в Запределье — это неудача. В Запределье он не умер от простуды, не упал со скалы, не утонул в болоте — успех. Но потерял всех бойцов и получил дыру в груди — неудача. Остался жив и добрался до землянки — хорошо. Заработал гнилую кровь — скверно. Нашел змей-траву и справился с хворью — хорошо. Но руки трясутся так, что не до охоты, — скверно. По всему выходит, теперь очередь успеха. Светлая Агата то смеется над ним, то помогает — и сейчас самое время для мощи!

Около полудня Эрвин достиг третьего куста. Крепкие, бодрые орешки лепились к веточкам, прячась под листьями. Не лещина — другие, прежде не виданные. Но съедобные, если судить по белке! Радость Эрвина, впрочем, была непродолжительной: ровно до момента, когда он попытался раскусить первый орех и чуть не сломал зуб. Белка — рыжая счастливица! — имела весьма острые зубки. А в распоряжении Эрвина имелись арбалет, железная миска и кинжал. Он сел, положил арбалет между ног, на деревянное ложе поставил миску, зажав ее бедрами. Внутри бросил орех и что было сил треснул по нему рукоятью кинжала. Не попал, миска загремела. Ударил вновь — слишком слабо. Размахнулся из-за головы, обрушил на скорлупу всю мощь своего гнева — орех выскочил из миски и улетел ко всем чертям. Эрвин сказал несколько слов, которые повергли бы в смятение его благородных сестру и мать. Высыпал в миску горсть орехов и принялся крушить короткими, но яростными ударами, с каждым промахом совершенствуя технику атаки. Стук! Стук! Звяк! Стук! Хрусь!

Ура! Первая скорлупа треснула, Эрвин добил ее и выгрыз долгожданный орешек. Он был меньше ногтя. Чтобы насытиться, понадобится несколько дюжин. Но Эрвин на время позабыл об усталости — его охватил азарт битвы, опьянил вкус вражеской крови. Каждый новый удар выходил точнее прежнего, все чаще и чаще скорлупа хрустела под его атаками. Хрусь! Хрусь! О, как сладостен этот звук! Сейчас Эрвин полностью понимал тех рыцарей, кто наивысшим наслаждением почитает кровавую битву. Этот головокружительный восторг, когда очередной орех трещит и лопается, сокрушенный ударом рукояти! Наверное, такое же чувство испытывают рыцари, пробивая мечом забрало врага!

Эрвин не остановился, пока не объел весь куст. Только три ореха спаслись паническим бегством, выскочив из миски. Все прочие пали жертвами разящей десницы северянина, оказав, впрочем, весьма достойное сопротивление.

Едва сражение окончилось, живот и веки сразу отяжелели. Нет, встревожился Эрвин, не спать. Нельзя! Хворь отступает, но еще очень опасна. Нужно обработать рану, лишь потом спать! Словно

подтверждая его мысли, жжение в груди усилилось, спину пробрал озноб. Эрвин двинулся в путь. Добравшись до поляны змей-травы, он первым делом взвел арбалет. Долгая и непростая работа, однако нужная: мало ли какой зверь явится сюда. Потом срезал несколько пучков травы, не спеша перетер в миске, отжал сок, выбросил жмых. Проверил, чтобы арбалет лежал в удобной близости от правой руки. Промыл орджем кисточку и кинжал. Кажется, все. Эрвин истратил все возможные поводы для отсрочки. Пора переходить к попытке.

— Я выживу, — сказал Эрвин и при первом же слове понял, что сегодня не сможет совершить процедуру.

Никакой ценой. Не из-за боли, а от беспредельной усталости. Она наполнила душу и лилась через край. Сила воли растворилась в море усталости без следа.

Эрвин ощупал рану и понял: опухоль спала настолько, что можно будет обойтись без кинжала, лишь пальцами и кисточкой. Это известие не помогло. Ядовитый сок сам по себе причиняет зверскую боль, а терпеть ее сил не осталось.

Полежу час-другой, сказал он себе. Орехи и сон немного восстановят силы. Наверное, станет легче... Смежил веки, прекрасно понимая, что совершает ошибку. Тут же нахлынула дремота, смывая остатки мыслей.

Невдалеке хрустнула веточка. Мгновенно проснувшись, Эрвин поднял голову и увидел серого зверя. Шагов с десяти волк смотрел на человека: ощеренная верхняя губа, шерсть дыбом вдоль загривка. Эрвин повернул арбалет, чтобы взять зверя на прицел, и тут понял, что это не волк, а собака. Крупная серая овчарка.

Эрвин даже знал ее имя.

Вдруг он рассмеялся. Прерывисто и хрипло, мучительно, со всею бесконечной силой усталости.

— Джемис Лиллидей!.. — сквозь смех прокашлял Эрвин. — Где вас носило? Что же не пришли неделей раньше? Вы безнадежно упустили первенство!

Бывший кайр Джемис вышел на поляну, остановился рядом с овчаркой. На лице воина слились в причудливую смесь потрясение, досада, растерянность. Эрвин продолжал хохотать.

— Предатель-механик, отряд искровой пехоты, гнилая кровь, яд змей-травы... Бедный Джемис! Вы — последний в очереди желающих меня убить! Как же вам, должно быть, обидно!

Джемис стремительно двинулся к лорду. Тот вскинул арбалет с неожиданной для самого себя прытью. Но воин прыгнул в сторону, уходя из-под прицела, рванулся вперед — и вот уже стоял над Эрвином, прижав арбалет ногою к земле.

— Осторожнее с этой штукой, милорд. Чего доброго, подстрелите меня, а одному вам не выжить.

МОНЕТА

*Конец июня 1774 года от Сошествия Праматерей
Окрестности Лабелина, герцогство Южный Путь*

На столе перед Хармоном находилась тарелка рисовой каши и пара лепешек. Имелась также ложка.

Не в силах поверить глазам, он протянул руку и потрогал. Взял комок риса, сунул в рот, проглотил. Настоящая каша. Еда!

Он набросился на пищу и, постанывая от мучительного удовольствия, в два счета проглотил все без остатка. Вылизал тарелку, словно собака; горестно оглядел пустую посуду. Желудок сводило от разочарования и неутоленного голода. Почему так мало? Сейчас он мог бы съесть целого кабана! Много позже Хармон порадовался, вспоминая этот день, что ему не дали ни кабана, ни хотя бы куриного бедрышка: ведь известно, что наесться мяса после долгого голода — это путь к мучительной и отвратной смерти. А в тот миг он лишь тосковал по еде, что исчезла так быстро, и пялился в тарелку осоловелым взглядом.

В комнате, где он находился, горел очаг. Тепло обволакивало узника, ласкало и убаюкивало. Резь в желудке притупилась, улеглась. Веки сомкнулись, и Хармон уснул — прямо так, сидя на стуле, с ложкой в руке.

Когда проснулся, он был в комнате не один. С ним находился человек: тучный, толстошей, с обвислыми щеками и лукавыми глазами. Он походил на пивовара или хозяина преуспевающей гостиницы. Человек не торопился говорить, ожидая, пока Хармон оклемается.

Голод вновь царапал желудок, но не так резко и мучительно, словно давал узнику передышку. Мысли зашевелились в голове — вяло, но набирая ход. Они вытащили меня из подземелья, из камеры Джека, пока я был без чувств, и принесли сюда. Усадили за стол, накормили. Значит, я для чего-то нужен им! Они видят во мне какой-то смысл. Возможно, они сохраняют мне жизнь. Возможно, я сумею убедить их, что буду полезен.

Хармон облилизал губы и произнес:

— Как я могу называть вас, добрый господин?

— Так и зови, — сказал тучный. Почесал складки на шее. — Стало быть, ты свел знакомство с нашим Молчаливым Джеком.

Хармон вздрогнул, поглядев на свой рукав, бурый от запекшейся крови покойника. Тюремщик хихикнул себе под нос.

— Знаешь, сколько времени ты провел с Джеком?

— Нет, добрый господин.

— Шесть дней.

— Всего шесть? — Глаза у Хармона полезли на лоб. Казалось, прошла вечность!

— Говорю тебе это, чтобы ты понимал скорость, с какой течет время в темнице. Прошло шесть дней... Как бы тебе понравился месяц? Или год?..

— Этого не может быть! — выдохнул Хармон. — За месяц человек умрет с голоду.

Тучный широко улыбнулся:

— О, мы не пожалеем для тебя немного сухарей. Ты будешь иметь выбор: попытаться уморить себя голодом и жаждой — или же перекусить себе жилы...

Узник иступленно затряс головой.

— Добрый господин, нет, не делайте этого! Я пригожусь вам.

— Докажи, что годишься.

Хармон собрался с мыслями и повел рассказ. Излагал старательно и последовательно, со всеми подробностями, какие смог припомнить. Он начал с графского письма, полученного в Излучине. Рассказал о путешествии к Дымной Дали, о ребенке, которого хотели бросить из-за мора. Ребенок не относился к делу, но Хармон не боялся перестараться. Дальше повел речь о путешествии кораблем и о приеме у графа. Упомянул все возможные мелочи: и «Голос Короны», что читали на борту, и дурную Джоакинову выходку, и даже «птицу с южной душой». Разговор с графом Шейландом он воспроизвел чуть ли не дословно. Человек, похожий на пивовара, почесывал шею и благосклонно кивал.

Затем Хармон описал дорогу от Дымной Дали к Солтауну, столкновение с сиром Вомаком, бегство от погони, добрался до встречи с корабельщиком и во всех деталях пересказал их цветистый спор о цене. На всякий случай поведал даже о том, как предлагал Предмет барону Деррилу — хотя об этом слуги барона знают и без него, но все же пускай убедятся в его правдивости. Хармон окончил рассказ моментом, когда ночью к нему постучался Вихренко. Сложно поверить, что это было всего неделю назад... Жизнь тому назад — так будет вернее!

Тучный мужчина выслушал его, потер ладони, заговорил:

— Итак, Предмет достался тебе от графа Виттора Шейланда. Граф продает его затем, чтобы выплатить Ориджинам невестин выкуп. А к тебе обратился по совету своего кастеляна Гарольда. Так получается с твоих слов?

— Да, добрый господин, так и получается.

— Давеча моему товарищу ты сказал, дескать, леди Иона знает, что граф продает Священный Предмет. Верно?

Хармон сворал об этом, но теперь побоялся отступить.

— Да, добрый господин.

— Тогда выходит, если верить тебе, что герцог Ориджин — великий властитель Севера — отдал свою единственную дочь купеческому

внуку, который к тому же распродает фамильное достояние. Правильно?

— Добрый господин, я не говорил, что герцог Ориджин знает о продаже, я только сказал о леди Ионе. И граф не распродает достояние, а продает всего лишь один Предмет.

— Да-а-а? — прищурил тучный свои лукавые глазенки. — И откуда ты это знаешь?

Хармон потер бороду. Она была грязной и слипшейся, словно кусок пакли.

— Если так посудить, добрый господин, то вы правы — я не знаю. Мне просто так показалось.

— Тогда вполне может быть, что граф Шейланд продает не один Предмет, а два или три?

— Да, добрый господин.

— А может быть и так, что дал тебе не один Предмет, а два? И первый ты уже продал негоцианту, а денежки припрятал?

По спине Хармона пробежался озноб.

— Нет, добрый господин, нет, верьте мне! Всего лишь один Предмет — Светлую Сферу, она теперь у вас!

— С чего бы мне тебе верить?

— Добрый господин, я диву давался, что граф мне и один-то Предмет поручил! Где уж говорить о двух! Кто я, чтобы возить за паузой целых два Священных Предмета?

— И верно, — дружелюбно согласился тучный, — ты — никто.

— Да, добрый господин.

— Скажи-ка мне вот что. Зачем графу Шейланду продавать святыню?

— Я уже сказал, добрый господин. Он хочет заплатить Ориджинам выкуп за принцессу Севера. Видать, занял у кого-то перед свадьбой, а теперь пытается вернуть долг.

— Да, ты это уже сказал. Но откуда ты это знаешь? Граф с тобой пооткровенничал?

— Да, добрый господин.

— Да?

— То есть нет! Я сам догадался и высказал, а граф подтвердил.

— Стало быть, прямо в лицо графу высказал: не продаете ли вы святыню, чтобы за невесту расплатиться? А он тебе: да, дорогой, ты прав. Так было?

— Да... нет, добрый господин, не совсем так.

Тучный поджал губы и раздраженно встряхнул щеками.

— Что-то частенько ты путаешься... Скучаешь по Молчаливому Джеку?

— Нет, нет, нет, добрый господин! Прошу, верьте мне! Видите ли, разговор с графом — он вышел такой странный, полным-полно было иносказаний, недомолвок, намеков. Сложно припомнить, кто именно

сказал то или иное. Выходило так, что один намекнул, а второй догадался.

— И кто же намекнул о причине продажи?

— Я, добрый господин.

— А граф?

— Подтвердил мою догадку.

— Стало быть, Виттор Шейланд продает Предмет, чтобы расплатиться за невесту. И позвал для этого дела Хармона-торговца.

Толстяк повторил эту фразу уже, кажется, в третий раз и недоверчиво потеревил подбородок.

— Добрый господин, — зачем-то сказал Хармон, — граф любит леди Иону.

— Да?

— Обожает. Пылинки сдувает.

— Вот как!..

— Добрый господин, вы просто не видели леди Иону.

Мужчина нацелил в нос Хармону пухлый указательный палец.

— Ты мне голову не морочь этой лирической дрянью! Это бабе своей будешь рассказывать! Меня не заботит леди Иона. Я не сомневаюсь, что Ориджины взяли за нее громадный выкуп, и любовь тут ни при чем. Будь Иона хоть слепой, хромой и юродивой, она все равно потомок рода Агаты, дочь герцога и любимая сестра наследника! Заботит меня вовсе не она, а то, что графу Виттору — одному из богатейших людей Севера — пришлось продать святыню. А еще то, что для этой цели он привлек такую мелюзгу, как ты.

Тюремщик будто устал, произнося столь длинную речь. Уронил подбородок на ладони и вяло буркнул:

— Ну?..

Хармон понял, что от него требуют пояснений.

— Добрый господин, что касается первого вопроса, то я ведь не знаю, как у графа обстоят дела с монетой. Вы правы, я слишком мелок, чтобы понимать в таких делах.

— Угу...

— Что же до того, почему он выбрал именно меня... Я так думаю, он не хотел доверяться кому-то из собственных вассалов, искал человека со стороны.

— И почему же?

— Чтобы слухи не расползлись по графству. Меня в Шейланде мало кто знает, стало быть, я мало кому смогу разболтать, даже если захочу. И еще...

— Еще?..

— Я полагаю, — с горечью на языке процедил Хармон, — граф расстроился бы, если бы кто-то из верных ему рыцарей угодил в гости к Молчаливому Джеку. А Хармона-торговца ему не жаль.

Толстяк хохотнул:

— Граф отдал серповую фишку... А это похоже. Давай-ка, торговец, припомни что-то еще. Глядишь, и заработаешь вторую миску каши.

— Гобарт-Синталь... — начал Хармон, но тучный сразу же перебил его:

— Чхать на корабельщика. Этот к делу не относится. Ты мне вот что скажи. Северная принцесса — она все же знала о Предмете или не знала?

— Она, добрый господин, — осторожно ответил торговец, — ничем не показывала, что знает.

— Но ты все-таки решил, что она знает?

— Мне не верится, добрый господин, что у графа есть от нее какие-нибудь тайны.

— Хм.

Тут толстяк поднялся, обошел стол. Остановившись за спиной у Хармона, положил ему на плечи тяжелые ладони.

— А не может ли быть так, что это не Шейланд, а Ориджины продают Предмет? А граф лишь им пособничает?

— Я... я... не знаю, добрый господин.

— Да светлый день, что ты не знаешь! А как думаешь?

— Думаю... думаю, это вряд ли, добрый господин.

— Почему так думаешь?

— Леди Иона... она слишком... слишком благородна, чтобы торговать божьими дарами.

— Пх!

— И еще, ей было слишком наплевать на меня. Кабы продавали ее родовую святыню, она беспокоилась бы.

— Хорошо, молодчинка. — Толстяк потрепал Хармона по волосам, словно собаку. Торговец не удержался и вздрогнул. Тучный мужчина наклонился и прошептал ему в ухо — дыхание отдавало кислотной: — А твой этот воин, Джоакин, он откуда взялся?

— При чем здесь... — Хармон осекся, когда тюремщик сдвинул ему плечи, вогнав указательные пальцы повыше ключиц. У него оказались на диво сильные руки. Хармон дернулся от боли. — Я нанял Джоакина в Смолдене! Сейчас расскажу, как все было!

Выслушав рассказ про потешный бой, мужчина оставил в покое Хармоновы плечи и вернулся на место.

— Этот Джоакин — он странный в чем-то?

Хармон слабо улыбнулся:

— Он, добрый господин, почти во всем странный. Легче перечислить, чем он не странный: дерется хорошо. А в остальном — посудите сами.

Он рассказал о Джоакиновых мечтах, о странице из «Голоса», о заранее придуманном дворянском гербе, о леди Аланис Альмере... По забыл про искровой кинжал, но потом вспомнил, упомянул и его.

— Стало быть, ты нанял странного охранника с искровым кинжалом, — проворчал тучный тюремщик. И так это значительно у него вышло, что Хармона осенило.

— Вы думаете, Джоакин служит на сторону?..

— Нанял ты, значит, странного охранника, — повторил толстяк. — Этот охранник зачем-то с шейландовцами пособачился. Потом защитил тебя от мелкого лордика. Потом с чего-то размечтался про замок и герб. Занятно выходит...

— Добрый господин, не верится мне в это...

— Да ну?

— Джоакин — он добрый мальчик... Глупый, горячий, голова в облаках... но добрый. Он даже разбойников в лесу не порезал насмерть, старался лишь ранить.

— Угу...

— Да и слишком у него башка всяким рыцарством забита. Разве смог бы он так ловко схитрить?

— Угу...

— И не знал Джоакин о Предмете, вот что! Кабы он служил графу, то мог бы сам привезти мне Сферу для продажи, незачем было в Уэймар ездить. А кабы служил кому-то другому — так откуда ему было в Смолдене знать, что именно мне граф поручит продать святыню, если я и сам тогда этого не знал? Я даже не знал, заеду ли в Излучину за письмом — это только по ходу решилось!

— Угу... — опять буркнул тюремщик и вдруг спросил: — А где сейчас этот Джоакин?

Хармон сглотнул.

— Я не знаю, добрый господин. Мы ведь повздорили перед самым... ну, перед тем как вы меня...

— Повздорили, значит?

— Верно. Он, Джоакин, шибко нос задрал: дескать, он — герой, а Хармон-торговец — отребье. Я ему не спустил, мордой натыкал. Он разобиделся и ушел. Так все было!

— Так было, значит?

— Да вы слуг своих спросите! Они когда в гостиницу пришли, там всех моих людей застали, а Джоакина-то и не...

Хармон осекся. Тьма! Проклятая тьма! Мои люди в гостинице — что с ними сделали?! Как же я не вспомнил раньше? Бедняжка Полли! Где ты, что с тобой?

— О чем подумал? — требовательно бросил тучный.

— Мои люди, добрый господин... Что с ними будет?

— От тебя зависит, дружок. И что с тобой самим будет — это тоже.

— Добрый господин, могу ли я спросить, они все живы? Там девушка была, Полли...

— Потрудишься как следует — выживут.

— Что мне сделать? Только скажите!

Тюремщик расплылся в неприятной ухмылке.

— Всякие есть мыслишки. Но ты сперва посиди еще недельку со своим новым приятелем, подумай — авось еще что полезное вспомнишь.

— К Джеку?! Добрый господин, смилуйтесь! Я не переживу еще неделю! Я немолод, тело стареет, силы уже не те! Вы убьете меня!

Тучный развел руками.

— Добрый господин!.. — Хармон рванулся вперед, собираясь упасть на колени. Его щиколотки были привязаны к ножкам стула, и он упал ничком, увлекая за собой стул.

Тюремщик расхохотался:

— Шут бородатый! Ладно, я дам тебе фунт сухарей. Смотри, не сожри сразу же, а то еще лопнешь. Ну-ка, браток, выдай ему гостинец и отправляй к Джеку!

Давешний верзила с дубинкой — он сменил кожаный фартук на красную рубаху — отвязал Хармона от стула, поднял на ноги и надел на голову мешок.

«Я пропал. Мне конец», — думал Хармон Паула Роджер. Пахло сыростью и тлением. Стояла крошечная тишь. Слышно было, как по стене сбегает капли воды.

Он съел все сухари в тот же день, когда получил их. Сперва аккуратно разделил на семь горок — из расчета на неделю. Разложил вдоль чистой стены. Чистая стена — противоположная той, у которой сидит мертвец. В каждой горке вышло по пять сухарей, кроме последней — в ней было четыре. Если удовлетвориться пятью в день, то можно прожить неделю. Хармон принялся за первую горку. Размочил сухарь в тонкой полоске влаги, тянущейся по стене. Для этого пришлось прижать его к трещине на долгие минуты, поворачивая то одной, то другой стороной. Затем Хармон Паула сунул его в рот. Говорят, с голодухи даже редька слаще меда. Хармон убедился в обратном: сухарь не показался изысканным лакомством. Это был безвкусный кусочек хлеба, и он был чертовски мал. Сухарик упал в желудок, как в черную бездну, и исчез без следа. Голод ничуть не стал слабее.

Хармон размочил и проглотил второй, третий. Пропасть не заполнялась, а, напротив, становилась все более ощутимой и зияющей. Пульсировала в брюхе, рычала и царапалась — дикий зверь, которого малая добыча не удовлетворила, а лишь раззадорила. Казалось, вот-вот желудок начнет всасывать и переваривать сердце, легкие, печень Хармона.

Следующие сухари он сгрыз, не размачивая. Не терял времени попусту — просто швырял в рот и ожесточенно жевал, постанывая от злости и нетерпения. Когда первая горка подошла к концу, голодный зверь в брюхе еще только проснулся и приступил к трапезе.

«Беды не будет, если съем и вторую», — утешал себя Хармон. На семь дней растянуть или на шесть — велика ли разница? Все равно ведь не знаю, когда начинается и кончается день!.. А пальцы тем временем уже совали в рот новые и новые сухари. Зверь в желудке ревел: «Еще! Еще! Еще!» — и угрожающе царапал когтями кишки. Хармон исступленно грыз и глотал, грыз и глотал, грыз и глотал. Успел заметить, что приступил уже к третьей горке, а затем мысли пропали во все. Осталось одно лишь ощущение: сладостная тяжесть в желудке, что росла с каждым кусочком пищи. Не властный над собою, Хармон остановился, лишь когда потянулся пальцами за очередным сухарем и нащупал голый каменный пол.

А немного погода начались муки. Сухой хлеб быстро впитал всю влагу, что имелась в желудке, и превратился в жесткий, грузный ком. Давил, распирали изнутри, пронизывал внутренности спазмами боли. Хармон пришел в ужас от мысли, что не сможет удержать в себе пищу. Приник языком к струйке воды и запоздало принялся запивать сухари. Вода сочилась медленно, трудно было устоять в неудобной позе так долго, чтобы сделать несколько глотков подряд. Хармон глотал, устало падал на пол, но, мучимый болями в животе, опять вставал и пытался напиться, и вновь находил силы лишь на несколько глотков. Он не знал, какую боль способны причинить каленые клещи или Спелое Яблочко... но те страдания, на какие обрек его фунт сухарей, оказались худшей мукой за всю его жизнь.

Изнуренный и отупевший от боли, Хармон тер себя по животу. Распахивал камзол, клал руки на голое раздувшееся брюхо и люто ненавидел себя. Дурак! Прожорливый дурак! Что ты натворил, пустая твоя башка?! Спазм сводил тело, он терзал руками собственную бороду, комкал одежду. Пальцы нащупывали вышивку на камзоле — дворянский вензель. Джек, думал Хармон, Джек! Ты тоже сожрал сразу все, как я, и от этого помер? Нет уж, точно нет! Ты был умнее, ты все разделил ровнехонько на неделю, и нашел способ отмерить время, и не съедал ни крошки сверх меры. Эх, Хармон, Хармон... Дурачина! А-а-а, как больно-то!

Спазмы накатывали волнами, и, едва они отступали, Хармон принимался пить. Одни боги знают, каких усилий ему это стоило, но торговец все же сумел слизать достаточно воды, чтобы размочить сухой ком в желудке. Спустя время боль пошла на убыль, и узник забылся сном. Проснулся от холода, запахнул камзол, сжался в комок и уснул опять.

Когда пробудился вновь, голова была ясна, в теле ощущались силы... но желудок был пуст. Сосало под ложечкой. На всякий случай Хармон ощупал пол вдоль всей чистой стены. Результат, впрочем, он знал заранее: ни единого сухарика. Вчера он съел все до последнего.

«Я пропал, — подумал Хармон. — Подохну от голода».

Толстяк сказал: «Посиди еще недельку». Шесть дней без еды можно вытерпеть. Но сейчас голова работала ясно, и Хармон понимал: через шесть дней его отсюда не выпустят. Зачем им это? Ведь он рассказывал все, что знал! Какой еще прок тюремщикам от бедного узника? Им больше нет резона даже говорить с ним! А уж отпустить на волю — это и вовсе сказка! Ведь он, Хармон, знает и похитителя Предмета, и подлинного хозяина! Отпусти торговца — и он расскажет обо всем графу Виттору, тогда барон Деррил не оберется неприятностей. А зачем это барону? Не проще ли похоронить Хармона заживо и забыть о нем?!

Дурак! Дубина! Болван! Ну и болван же я был, что все рассказал честно! Надо было пытаться выкрутить, схитрить, придумать что-то. Соврать, допустим, что я должен показаться людям графа в определенный день в назначенном месте, иначе граф поймет, что Предмет украден. Сказать, будто Шейланд знает, что я направлялся к Деррилу и за мною следят графские воины. Не думаете же вы, добрый господин, что граф доверил мне такую ценность и не послал никого проследить за мною?! Или еще лучше: это не лорд Виттор дал мне Предмет, а леди Иона. И так сказала при этом: «Мне служат высокородные рыцари-кайры, никто из них не станет пачкать руки продажей святыни. Но они пойдут за вами следом, любезный Хармон, и обеспечат защиту вам и Предмету — за это можете быть спокойны». Вот что надо было сказать тюремщикам! А потом прибавить этак вкрадчиво: «Вы же знаете, добрые господа, что воины Севера — люди без души. Слыхали поговорку: скорее лев зарыдает над добычей, чем кайр помилует врага. Вообразите, дорогие мои, что с вами сделают северяне, когда придут сюда?..»

Эх, дубина! Задним числом всегда так хорошо думается! Столько отличных мыслей приходит, да поздно! Еще вчера я имел неслыханную роскошь: возможность говорить. И, дурак, даже не понял, насколько это важно и как легко этого лишиться! Я говорил с тюремщиком — значит, мог его обхитрить, умаслить, подкупить, запугать, убедить... Но ничего не сделал, только блял трусливо, как овца! А сегодня — упущено, миновало. Было и сплыло. Я все рассказал вчера — им больше нет смысла говорить со мной! Какая бы спасительная мысль ни пришла теперь — бесполезно. Не будет больше шанса что-то сказать или сделать. Остаток дней я проведу в гробу.

Он зарыдал, сотрясаясь всем телом. Слезы полились по щекам и грязной бороде. В отчаянии Хармон забил по камням руками, ногами, затылком. Дурак, дурак, несчастный дурак!

Наткнулся пяткой на череп Джека и со злобой пнул. Вот костяшка, в которой мозгов было побольше, чем у Хармона-торговца! Джек уж точно не выложил все, как гимназист на уроке! Сказал тюремщикам: «Провалитесь во тьму! Ни слова не скажу». Они взялись ломать ему кости и сдирать кожу. Когда прервались, Джек говорит тюремщи-

ку: «Исполни мою последнюю просьбу, тогда расскажу, что знаю». Тюремщик: «Какую просьбу?» А Джек: «Зажми мне нос». Тюремщик удивился: «Это еще зачем?» А Джек в ответ: «Чтобы не чують, как смердит дерьмо, из которого ты сделан! Остальные пытки — пустяки, а вот вони твоей, боюсь, не выдержу!» Тогда уж они крепко за него взялись... но все равно ничего не смогли выжать, потому и бросили Джека сюда, в подземелье, — решили, что если не боль, так голод из него вырвет признание. Голод и мороз.

Голод, и мороз, и тьма, и смертный ужас.

Хармон вновь мерил камеру шагами, натываясь на стены. Подпрыгивал, пытаясь согреться. Прижимал язык к камням, пытаясь напиться. Мяс и бил собственный живот, пытаясь умирить голод. Против ужаса средства не было. Я пропал. Мне конец. Мысль грызла, терзала, сверлила, не отступая и не слабея. Любая боль со временем тупеет, входит в привычку. Но не страх — нет! Эта тварь днем и ночью одинаково яростна, она не знает усталости! Я пропал. Мне конец. Милостивые боги, мне конец! Нет! Прошу, нет!

Хармон молился... когда не вышагивал по комнате и не корчился от голода, и когда ужас позволял ему связать хоть несколько слов. Молился Елене Прозорливой — святой покровительнице купцов. Елена не отвечала ему, и Хармон хорошо знал, за что святая на него гневается. Ему был дан прекрасный товар, а он — дубина! — провалил все дело. Пожадничал, ушел от корабельщика, ради лишних восьмисот эфесов поперся к жестокому барону — и вот, получай! Права Елена, что не отвечает! Какой из Хармона торговец, если так оплошал!..

Он молился святой Вивиан — Праматери графа Виттора, и Светлой Агате — Праматери леди Ионы. Он не знал молитв этим святым, поэтому обычными словами рассказывал им, как все было, и шептал сквозь слезы: «Пощадите! Пошлите спасение, умоляю вас! Святые матушки, дайте мне выжить! Ведь я старался ради ваших детей, помогал любви графа... За что же со мною... так жестоко?..» Вивиан молчала, как и Агата. Святые видели Хармона насквозь и знали, что он лукавит. Торговец хотел набить свой кошелек, за то и поплатился.

Хармон облизывал влажную стену, размазывал по щекам слезы и принимался молиться Праматери Янмэй — величайшей из всех. «Пресвятая матушка, сжался надо мною, пошли мне крошку твоей милости! Ведь недаром прозвали тебя люди — Янмэй Милосердная! А еще зовут тебя — Янмэй Избавительница, Янмэй, Несущая Спасение! Спаси меня, избавь от страданий, молю тебя, всеблагая матушка!»

Янмэй Милосердная, Праматерь императоров Блистательной Династии, ответила Хармону-торговцу. Озарением возникла в его голове сценка — всплыла из глубины памяти, давным-давно услышанная

и позабытая. Хармон вспомнил, отчего святую Янмэй зовут Милосердной. Вспомнил — и похолодел. Святая Ульяна — семнадцатая Праматерь, не имеющая потомков — столкнулась в лесу с клыканою. Зверь разметал воинов и продырявил Ульяну своим рогом. Рана была столь страшна, что не осталось надежды на спасение: даже Священные Предметы оказались бессильны. Ульяна взмолилась, чтобы воины избавили ее от страданий, но никто не решился поднять руку на посланницу богов. Лишь один человек осмелился пойти на это. Хрупкая девушка по имени Янмэй вогнала стилет в сердце Ульяны, подавив ей милосердие...

Боги, неужели таков и есть ответ?! Неужели лучшее, о чем мог мечтать торговец, — это быстрая смерть?! Нет, нет! Нет! Святая Янмэй, одумайся! Скажи мне, что ты ошиблась!

Проходили часы, а может, сутки. Янмэй молчала. Внутренности Хармона сделались клубком ядовитых змей, грызущих друг друга. Торговец вновь и вновь думал, не мог не думать: каково это — умирать от голода?

Каково тебе было, Джек? Что ты чувствовал? Сколько дней, недель, месяцев голод сжирал тебя изнутри?! Или, может быть, железо палачей до того изувечило тебя, что ты околел в считанные часы? О счастливчик! Умный счастливчик, будь ты проклят! Сразу понял, что лучше пойти под пытки, — это всяко быстрее голодной смерти. Какой-то денек страданий — и все, здравствуй, Звезда!

Или, может, Джек, ты был еще хитрее? Ведь умер у сухой стены, а не под струйкой влаги! Скажи: ты уморил себя жаждой? Дал себе приказ: не пить ни глотка. День просидел спокойно, второй перетерпел, на третий впал в забытие. Простое дело! Достаточно лишь заставить себя не пить. Чертов дворянин! Как ты это сумел? Как вытерпел — слышать звук воды, сгорать от жажды, но не припасть к струйке? Кто родил тебя, кто воспитал? Где ты взял такую силу воли?! Ответь мне, Джек!

Хармон комкал на груди ткань с фамильным гербом Джека, и к ужасу в груди примешивалась черная зависть. Торговец теперь не сомневался: его предшественник нашел способ умереть быстро. Это потребовало железного самоконтроля, но Джек сумел. А Хармон-торговец не сможет. Ему предстоит вечность мучений.

Милосердная Янмэй...

Когда над головою раздался скрип, Хармон поднял голову и смотрел, смотрел, смотрел в проем, не в силах поверить. Люк был открыт, и факельный свет озарял лицо молодого воина.

— Ну и дыра!.. — говорил Джоакин Ив Ханна. — Хватайтесь за руку, вылезайте. Ну же!

СОДЕРЖАНИЕ

В ПУТЬ	9
ИГРА НА ГРАНИ	299
ВЫЖИТЬ НЕЛЬЗЯ УМЕРЕТЬ	559